Подари мне любовь

Автор:
Джоанна Линдсей

Подари мне любовь

Джоанна Линдсей

Викинги #3Королева любовного романа

Жизнь мужественного викинга Селига, оказавшегося в плену, полностью зависела от прекрасной и гордой Эрики. Девушка могла отдать один-единственный приказ – и пленник бы погиб. Но вместо этого красавица подарила Селигу свое сердце. Да и он, знавший о женщинах и любви, казалось бы, все, буквально потерял голову от страсти и думал не о спасении, не о мщении, а лишь об одном: Эрика должна принадлежать ему навеки…

Джоанна Линдсей

Подари мне любовь

Johanna Lindsey

SURRENDER MY LOVE

Печатается с разрешения издательства Avon, an imprint of HarperCollins Publishers, и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Johanna Lindsey, 1994

© Перевод. Т. А. Перцева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

***

Джоанна Линдсей – королева любовного романа. Это высокое звание подтверждается огромной популярностью ее произведений у читателей во всем мире. Недаром каждая книга Джоанны Линдсей расходится миллионными тиражами.

***

И пусть Селига хотели

заполучить так много женщин,

эта книга для тебя.

Глава 1

Уэссекс, 879 год

Он появился в длинном зале Уиндхерста, и все находившиеся там женщины мгновенно бросили работу, чтобы проводить его глазами. И в этом не было ничего необычного. Такое случалось всякий раз, когда он оказывался среди женщин. Они ничего не могли поделать с собой: этот мужчина мгновенно привлекал внимание и взоры прекрасного пола, и не важно, что он был викингом, а они – саксами. Не имело значения и то, что встреча отпрысков двух великих народов лишь в редких случаях не кончалась жестоким кровопролитием. Не далее как в прошлом году саксы встретились на поле битвы с датскими викингами на севере страны.

И отнюдь не страх приковывал женщин к месту, хотя в бою этот викинг мог быть поистине устрашающим и славился воинским искусством. И не благоговейное восхищение его неимоверно огромным ростом, превосходившим даже рост их повелителя, лорда Ройса, чрезвычайно высокого и широкоплечего человека. Разгадка была совсем простой: никто в жизни не видел мужчины красивее Селига Хаардрада. Северные боги наградили его не только мускулистым стройным телом, но и лицом, сравнимым только с ликами христианских ангелов: глазами, которые могли то темнеть, словно летнее грозовое небо, то переливаться полированным серебром, чуть выступающими высокими скулами, носом идеальной формы, слегка изогнутыми бровями, столь же смолисто-черными, как и длинные роскошные волосы. А губы… губы его были такие чувственно-капризные, что любая женщина отдала бы все на свете, лишь бы изведать их вкус.

Казалось, обитательницы Уиндхерста должны были бы привыкнуть к его внешности за шесть лет, прошедших со дня его первого появления здесь, когда он пришел грабить их землю вместе с другими викингами с севера и едва не поплатился за это жизнью. Но ничего не изменилось, и тайных и явных поклонниц у Селига по-прежнему было хоть отбавляй. И ни одна не осталась равнодушной при виде викинга. Даже старая Эда, кухарка, хлопотавшая у очага в конце зала, отреагировала на его появление, не говоря уже о юной Меган, сидевшей за шитьем вместе с дамами в передней части зала перед открытыми окнами. Ей еще не исполнилось и четырнадцати лет, и она, мечтательно вздыхая, втайне жалела, что этот красавец викинг вдвое старше ее. И хотя уже вполне созрела для замужества – в брак вступали и раньше, если необходимость в этом была достаточно велика, – но Ройс, ее брат, и слышать об этом не желал. Кроме того, он уже породнился с Селигом через жену, не говоря уже о том, что слишком любил Меган и не собирался пока расставаться с сестрой, а та, со своей

стороны, была счастлива подольше пожить дома с любимым братом.

За одним из столов, расставленных вокруг бочонка с элем, где так любили собираться мужчины, сидела Кристен, сестра Селига, наблюдая за приближавшимся братом. Обычно она не замечала впечатления, производимого Селигом на женщин, но сегодня не могла не обратить внимания на тишину, воцарившуюся при его появлении. Мало того, Кристен заметила улыбку, которой брат в свою очередь одаривал некоторых женщин. А как лукаво он подмигивал тем, с кем успел слишком близко познакомиться! По мнению сестры, таких было более чем достаточно.

Муж Кристен, Ройс, сидевший рядом, вздохнул и с притворным ужасом закатил глаза к небу.

– Ему следовало жениться и положить конец их страданиям, – вполголоса заметил он.

– Каким еще страданиям?! – презрительно фыркнула Кристен. – Он не пропускает ни одной юбки и просто из кожи вон лезет, чтобы получать в ответ восторженные вздохи и признания! Настоящие мучения начнутся, когда он женится! И к чему столько хлопот, если женщины в обеих странах, не говоря уже о всех торговых городах, в которых Селигу доводится бывать, сами бросаются ему на шею?

– Так и в Норвегии творится то же самое?

– Всегда, – пожала плечами Кристен.

Ройс хмыкнул, отлично сознавая, что жену нимало не тревожат бесчисленные победы Селига как на родине, так и в ее собственном зале. Брат и сестра были слишком близки, чтобы Кристен могла сердиться на подобные шалости. Когда шесть лет назад, во время набега на земли Ройса, Селиг был так тяжело ранен, что его посчитали мертвым, Кристен поклялась отомстить его предполагаемому убийце – кузену Ройса Олдену.

Ройс не очень любил вспоминать об этом. Подумать только, он едва не приказал тогда казнить всех пленников и чуть не потерял свою единственную и истинную любовь. Среди захваченных викингов была и его будущая жена. Ее друзья

помогли девушке переодеться в мужской костюм, так что ее приняли за мальчишку.

И план бы удался, поскольку Кристен была почти такого же роста, как и ее товарищи по несчастью, и даже выше многих саксов. Но викинги забыли о том, что им следовало обращаться с Кристен, как с мужчиной, и продолжали защищать ее, стараясь уберечь от тягот плена. Правда вышла наружу в тот день, когда Ройс приказал высечь девушку.

После того случая Ройс разлучил Кристен с друзьями и поселил в зале. Тогда он считал ее шлюхой, не пытаясь понять истинную причину, заставившую Кристен укрыться на корабле брата, решившего отправиться в набег. И девушка не стала оправдываться. Она позволила ему так думать и даже забавлялась этим, завлекая его дерзкой чувственностью, какой Ройс никогда не встречал в женщине. Не будь этого, Ройс устоял бы перед ее чарами, смог бы воспротивиться искушению, потому что страстно ненавидел викингов.

Вот уже пятнадцать лет он сражался с ними. Одиннадцать лет назад ненависть вспыхнула с новой силой, когда он, пригвожденный к стене и терзаясь в страшных муках, был вынужден наблюдать, как датские викинги расправились с отцом и единственным братом, а потом изнасиловали и убили его нареченную. Ройса оставили умирать, на поживу волкам и стервятникам, и он наверняка погиб бы, если бы враги не отправились разорять монастырь Джарро и оставшиеся в живых слуги не позаботились о раненом хозяине.

Естественно, поэтому у Ройса были причины ненавидеть всех викингов. Однако, влюбившись в норвежку, он даже смирился с частыми приездами ее многочисленных родственников. Время от времени они приплывали на галерах к побережью Уэссекса и появлялись в поместье Ройса, но самым частым гостем был Селиг, а три из последних шести лет он просто жил у них.

В первый год их семейной жизни Селиг вообще не уезжал, желая убедиться, что Кристен в ее новом доме оказывают подобающие хозяйке почести. Он пробыл с ними всю зиму, а на следующее лето вернулся в Норвегию вместе с родителями, приезжавшими погостить. И хотя Бренна и Гаррик навещали дочь не каждый год, Селиг, прихватив с собой одного или двух младших братьев, не упускал возможности повидаться с сестрой.

Пятилетний Алфред, сидевший за другим столом и делавший вид, что точит деревянный меч, подражая оруженосцу, возившемуся со стальным клинком, наконец заметил появление дяди и бросился ему навстречу. Селиг со смехом подхватил малыша и подбросил в воздух на добрых шесть футов, так что тот едва не ударился головенкой о потолок. Кристен со стоном закрыла глаза, но восторженный визг сына явно говорил о том, что приключение окончилось благополучно. Осторожно приподняв веки, она увидела, что Алфред восседает на широком плече Селига, шагающего к столам.

Трехлетняя Тора, устроившаяся на коленях матери, протянула дяде ручонки, не желая оставаться в стороне, – девочке явно хотелось испытать такой же головокружительный полет. Селиг был более чем счастлив угодить племяннице, но Кристен довольно сильно шлепнула его по протянутым рукам.

– Ни за что, если тебе дорога жизнь! – прошипела она.

Селиг только рассмеялся и, отведя руки сестры, подхватил девочку. Однако он не подбросил ее в воздух, а вместо этого чмокнул малышку в мягкую щечку так громко, что звук разнесся по всему залу, заглушая хохот ребенка.

Не выпуская Тору, Селиг уселся на скамью напротив родителей девочки, выглядевшей крохотной, как кукла, на широкой мужской груди. Кристен не могла долго сердиться на брата, зная, как тот любит эту малышку, так похожую на него.

Старший сын был назван в честь короля: об этом позаботился Ройс, дочь же носила имя Тора[1 - Тор – в скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия. – Здесь и далее примеч. ред.], бога викингов, – так, к неудовольствию мужа, пожелала Кристен. Однако ни один из детей не унаследовал светлых волос и голубых глаз матери. У Алфреда были отцовские темно-каштановые волосы и зеленые глаза, а маленькая Тора, как и Селиг, была копией Бренны – те же волосы цвета воронова крыла, серые глаза, и оба, как и она, больше походили на кельтов, чем на норвежцев или саксов.

– Все закончено, – первое, что объявил Селиг, довольно улыбаясь.

Кристен и Ройс не нуждались в объяснениях. Два года назад Селиг решил осесть здесь, в Уэссексе. И хотя он считался наследником отца, но Гаррик был далеко

не стар, и пройдет немало времени, прежде чем дом и земли перейдут Селигу. Поэтому он хотел иметь собственные владения и уже начал строить дом на землях, проданных ему Ройсом. Здание должны были закончить в прошлом году, но датчане снова затеяли войну с саксами, и Селиг удивил всех, кроме Кристен, знавшей, как брат любил хорошую драку, отправившись на поле битвы вместе с зятем.

Селиг опять получил тяжелую рану и много времени пролежал без сознания, так что не смог участвовать в последнем, решительном сражении. Ирония заключалась в том, как часто любил повторять Селиг, что спасли его именно датчане: оттащили из-под копыт коней и перевязали рану, приняв за одного из своих, поскольку он совершенно ничем не напоминал сакса. И так как Селиг говорил на всех языках северных народов, включая и датский, враги так и не узнали, как ошиблись, и Селиг смог добраться до своих еще до конца битвы. Но дому пришлось подождать, пока не кончится война, и Кристен знала, как раздражен Селиг очередной задержкой, вызванной на этот раз зимними холодами: ведь брату пришлось провести эти долгие месяцы в доме сестры и зятя.

Весной строительство вновь возобновилось, однако шло медленно: приходилось засевать поля, которых теперь и у Селига было немало. Ройс одолжил ему своего каменщика Лимана и всех крепостных, кого мог. Селиг и сам купил с полдюжины рабов в северных торговых городах, на обратном пути в Уэссекс, еще до того, как рассказал Кристен о своих планах. Из уважения к Ройсу он старался не приобретать саксов и привез только мужчин для постройки дома и полевых работ. Несколько человек ему отдал и отец, благословив тем самым на новую жизнь. Гаррик был даже доволен, что Селиг решил обосноваться рядом с Кристен и охранять сестру: он был не слишком высокого мнения о зяте, чтобы полностью доверить ему безопасность и счастье дочери.

– Когда пригласишь нас на празднество? – лукаво осведомилась она.

– Не раньше, чем Ивар привезет кухарку, которая сумеет приготовить все для пира, – рассмеялся Селиг.

Ивар был его ближайшим другом, который тоже попал в плен вместе с Кристен и остальными. Тем летом всех заковали в цепи и заставили трудиться, как рабов, пока отец и дядя Кристен не приплыли, чтобы освободить их. Теперь у друзей вошло в обычай, что Ивар каждое лето на корабле Селига отправлялся к северу

и вел торговлю, пока тот навещал сестру.

– Ты послал его купить женщин?

Расслышав удивление в голосе Кристен, Селиг мгновенно начал оправдываться:

– Не могу же я бежать к тебе каждый раз, когда нужно что-то сшить или приготовить обед, Кристен!

Но Кристен вовсе не удивилась. Рабство было распространено среди викингов, и как христиане, так и язычники не видели ничего необычного в том, что пленников, захваченных в бою и набегах, обращали в рабство. Ее семья всегда владела рабами, и отец часто покупал их на рынках и принимал в дар.

У мужа тоже были такие, в основном свободные люди, которые не могли заплатить выкуп за совершенные проступки и по саксонским законам в наказание попадали в неволю. А доля его многочисленных крепостных не очень отличалась от жизни рабов. Бренна, мать Селига и Кристен, тоже была захвачена в плен и подарена Гаррику, но впоследствии стала его женой, и ее судьбу повторила дочь – остававшаяся рабыней Ройса, пока ее родители не положили этому конец.

Но, по правде говоря, Ройс уже и без того решил жениться на девушке и совершенно не нуждался в таком странном «благословении», как разъяренный отец с сотней викингов, осадивших ворота замка, или в клинке Бренны, приставленном к его горлу.

– Конечно, тебе нужны женщины, чтобы вести дом, – согласилась Кристен. – Но ты должен был позволить мне выбрать их. Ивар привезет только самых хорошеньких девушек и не подумает узнать, могут ли они шить и готовить, я его прекрасно знаю!

– Ты правда так думаешь?

Радостное волнение в голосе Селига заставило Ройса громко расхохотаться. Кристен с удовольствием швырнула бы что-нибудь потяжелее в голову брата, не держи тот на руках ее дочь.

– К твоим услугам и без того слишком много женщин! Не понимаю, как ты с ними справляешься! Боюсь, что скоро не будешь знать, что с ними делать, Селиг! И если собираешься платить за рабынь звонкой монетой, неплохо бы по крайней мере получить от них хорошую работу и хоть какое-то умение за собственные деньги!

Мужчины снова разразились хохотом, и Кристен, мрачно сдвинув брови, добавила:

– Кроме этого, разумеется.

– Будем надеяться, – еле выговорил сквозь смех Селиг, – что они мастерицы во всем, иначе я по-прежнему буду каждый день в твоем доме, сестра.

– С каких это пор ты стал таким разборчивым? – ехидно поинтересовалась Кристен.

Брат пожал плечами, одарив ее улыбкой, которая могла бы растопить даже каменное сердце:

– Ты слишком хорошо знаешь меня.

Тут он был прав: Кристен действительно прекрасно изучила Селига. Тот любил всех женщин, так же как они обожали его. Он не пользовался своим положением и не тащил в постель рабыню только потому, что она во всем зависела от него и не могла отказать… Нет, за каждой женщиной Селиг ухаживал, добиваясь ее, как за самой высокородной дамой. И Кристен не сомневалась, что купленные Иваром рабыни будут счастливы принадлежать Селигу.

– Когда ожидаешь возвращения Ивара? – спросила она.

– Он должен был зайти в Берку и Хедебю, так что вряд ли появится раньше чем через две недели, а может, и через месяц.

Кристен, конечно же, с удовольствием предложила бы брату, чтобы ее женщины приготовили пиршество, но понимала, что он предпочтет подождать, пока Ивар и другие викинги вернутся, чтобы вместе отпраздновать постройку нового дома.

Семеро его товарищей, включая и лучшего друга Кристен Торольфа, решили остаться в Уэссексе, а остальные вернутся домой, в Норвегию, с Иваром, прежде чем зимние холода до следующего лета разлучат их с родиной.

Кристен вздохнула и оглянулась, замечая, сколько женщин, по-прежнему забыв о работе, не сводят глаз с Селига.

– Вижу теперь, когда тебе нечего делать, я ни от кого не добьюсь работы!

И, обернувшись к мужу, пошутила:

– Не можешь затеять какую-нибудь войну и отослать его туда?

– И ты бы прикончила меня, попробуй я намекнуть на нечто подобное, – фыркнул Ройс.

Да, такое более чем возможно. Как страдала Кристен, когда муж с братом отправились сражаться с датчанами! Она уже готова была признаться в этом, когда в зал вбежал один из людей Ройса:

– Приближаются пять всадников, милорд! – объявил он. – И судя по всему, один близок к смерти. Но у них королевский штандарт.

Кристен едва не застонала. Неужели она накликала беду и в Уэссекс вновь пришла война?

Глава 2

Но предчувствия Кристен не оправдались, и война им пока не угрожала. Оказалось, что король Алфред и его советники задумали новый план, чтобы укрепить уже существующий, хотя и хрупкий мир. Посольство из пяти человек, прибывших в Уиндхерст с запада, отправлялось ко двору короля Гатрума, чтобы выполнить поручение Алфреда. На них никто не нападал, но на беду один из послов в пути тяжело захворал и сейчас мучился от непонятных болей, а ноги отказывались его держать.

Кристен узнала, с каким делом отправились посланцы короля, только после того, как проследила, чтобы несчастного уложили в постель, и позвала лекарок, но, прежде чем успела вернуться к мужу, те сообщили, что больной скончался, так что они не успели ни помочь ему, ни узнать причину смерти.

Именно эту печальную новость она и была вынуждена сообщить вновь прибывшим, страшно огорченным гибелью спутника, и не потому, что так скорбели об усопшем, которого едва знали, а из-за провала всей миссии – теперь приходилось бесславно возвращаться домой. Все, кроме Ройса, предполагали, что король придет в бешенство. Ройс прекрасно знал Алфреда, был связан с ним многолетней дружбой и считал, что тот, несомненно, расстроится, узнав о неожиданной задержке, и успокоится лишь тогда, когда отыщет кого-нибудь, чтобы заменить умершего.

Задача не из легких, поскольку несчастный был толмачом[2 - Толмач – переводчик.] и должен был объясняться от имени епископа, главы посольства. Остальным троим было поручено его охранять: дорога проходила по незнакомым, часто пустынным землям, кишевшим ворами и грабителями. Умри епископ, и легче всего было послать вместо него другого высокородного лорда или барона, но в королевстве Алфреда было не так много людей, говоривших на языке датчан, поэтому мирные переговоры грозили закончиться, еще не начавшись.

Селиг ждал, пока Ройс не объяснит ему, в чем беда: он не понимал ни единого слова из того, что говорили саксы.

В отличие от Кристен, с самого детства старавшейся узнать языки всех рабов, живших в доме отца, брат изучал только те языки, которые, по его мнению, могли пригодиться в торговых делах. Он легко понимал шведа или датчанина, финна и славянина, и, конечно, любой кельт принял бы Селига за своего, потому что с молоком матери он впитал знание их языка. Зато он совершенно не мог изъясняться с саксами, если собеседник, подобно Ройсу, не знал сразу кельтского и саксонского диалектов.

Селиг и не стремился изучать все языки, потому что не собирался совершать набеги на южные земли, как другие викинги, а хотел пойти по стопам отца, заняться торговлей и сколотить состояние. Тот единственный – неудачный – набег, когда сестра и друзья были захвачены в плен, был чем-то вроде попытки

утолить юношескую жажду приключений, стремлением поживиться богатствами этой земли, прежде чем датчане окончательно покорили ее.

Конечно, волей-неволей придется заняться кельтским наречием, особенно теперь, когда Селиг решил поселиться в Уэссексе. Он старался выучить как можно больше слов, но, имея много дел помимо учебы, не очень-то далеко продвинулся. К тому же его наставницами, как правило, были женщины, а в постели, естественно, не до продолжительных бесед.

Когда Ройс вновь присоединился к компании, собравшейся у бочонка с элем, Кристен как раз вернулась, уложив детей. Они поужинали с гостями, но брат с сестрой не участвовали в беседе, состоявшей в основном из жалоб и сетований четверых посланцев.

Наполнив кружки мужчин элем, Кристен заговорила первая:

– Если я правильно поняла, король Алфред хочет приобрести союзников путем заключения браков между датчанами и саксами?

Ройс пожал плечами. В отличие от жены, он совершенно не удивился.

– В этом все дело. Три высокородных барона согласились пожертвовать ради крепкого мира своими прекрасными дочерьми и дать им богатое приданое.

Кристен пропустила мимо ушей упоминание о жертве, зная, что муж до сих пор не простил и не простит датчан за бойню, которую те устроили в Уиндхерсте одиннадцать лет назад.

– И в это приданое входят земли?

– Да.

– Боже милостивый, Ройс! – не веря ушам своим, воскликнула Кристен. – Твой король и его братья все эти годы сражались за то, чтобы не дать алчным датчанам захватить Уэссекс, а теперь собираются выделить им поместья?

– Его рассуждения просты, – пояснил Ройс. – Лучше эти владения, чем весь Уэссекс, ведь датчане опять тянут загребущие руки к здешним местам. По крайней мере сейчас нам известно, что не менее половины армии Гатрума так же устали от битв, как и мы, и не хотят ничего больше, кроме как осесть на уже захваченных землях. Последнюю же войну начала другая половина, в основном молодые люди, которые не успели разбогатеть. И едва не выиграли ее.

Датчане уже считали себя победителями, особенно после того, как решили, что Алфред погиб. Они сумели укрепиться в Чиппенхеме и начать грабить и жечь земли и поместья по всей округе.

Ройс впервые отправился на войну в 876 году, когда Алфред собрал армию, чтобы изгнать датчан из Уэрхема, а потом в 877 сражался в битве при Экзетере. Но когда в том же году войска по существующему обычаю были распущены на зиму, датчане застали врасплох Алфреда и его придворных в Чиппенхеме, где они наслаждались долгожданной передышкой, и королю с семьей едва удалось бежать.

Немногочисленные защитники короля были разбиты, датчане предали мирные поселения огню и мечу, а по стране распространился слух, что король мертв. Но Алфред выжил и уцелел, укрывшись со своим маленьким отрядом в болотах Сомерсета, и, построив там небольшую крепость, совершал оттуда постоянные набеги на датчан, расстраивая их планы.

Прошлой весной Ройсу передали, где можно встретиться с Алфредом. Он поспешил в Эгбрайтестен и именно там вместе с Селигом и своими людьми вступил в последнее кровавое сражение. Войско короля Алфреда встретило датскую армию у Этандуна и, обратив ее в бегство, преследовало до самой их твердыни. Последовала долгая осада ее, пока наконец воюющие стороны не договорились о мире. Правда, никто не верил, что это перемирие продлится долго, особенно потому, что датчане в прошлом так часто нарушали данные ими клятвы.

Конечно, на этот раз все было немного по-другому, поскольку датский король Гатрум и тридцать его военачальников изъявили желание принять христианскую веру. После того как обо всем было договорено, Гатрум отвел остатки своей армии в Чиппенхем и в этом году вернулся в Восточную Англию, где, если верить слухам, датчане наконец решили осесть в давно покоренных ими землях. Но многие еще хорошо помнили прошлое и продолжали сомневаться

в том, что на их землю надолго пришла безмятежная жизнь. Однако были и такие, кто надеялся на это, ведь Алфреду впервые не пришлось платить датчанам подати, чтобы заставить их покинуть Уэссекс. Вместо этого король потребовал прислать ему заложников из новоокрещенных викингов. Кроме того, Алфред наконец признал, что земли к северу от Уэссекса принадлежат датчанам.

Они захватили Западную и Восточную Мерсию и превратили тамошнее население в крепостных, заселили Нортумбрию до самого крайнего севера, а Восточная Англия принадлежала им с самого начала.

Казалось, пришла пора оставить всякую надежду, что когда-нибудь удастся изгнать датчан из страны. Они твердо намеревались остаться жить здесь. Алфред проявил мудрость, признав неизбежное и предприняв все возможное, чтобы превратить существующий мир в долгий и прочный. Единственным способом достичь этого, по его мнению, были бы браки между коренным населением и завоевателями.

– Поэтому Алфред и посылает этих людей к королю Гатруму, – продолжал Ройс. – Их совсем немного, и датчане поймут, что этот маленький отряд не может представлять угрозу для них. Однако он вполне достаточный, чтобы помешать грабителям напасть на епископа. Именно епископ должен договориться с Гатрумом о браках, и остается лишь надеяться, что те трое, которых вновь изберет король Алфред, пользуются благосклонностью властителя датчан.

– С тем чтобы они могли посоветовать Гатруму не начинать войну, если дело дойдет и до этого, – догадался Селиг.

– Именно, – подтвердил Ройс. – Но теперь посланцам придется вернуться к Алфреду, пока не будет найден новый толмач, а на это могут уйти месяцы. Беда в том, что король не сидит на месте, а объезжает свои владения к западу отсюда, так что потребуется немало времени на то, чтобы его отыскать.

– К чему столько суеты, – небрежно заметил Селиг, – когда я могу занять место толмача.

Кристен лишь хмыкнула на это, но Ройс широко улыбнулся:

– Да, ты легко сможешь объясниться с Гатрумом, но кто переведет тебе слова епископа?

Селиг слегка покраснел, он совсем забыл об этой досадной «мелочи».

– Проклятие! Последнее время мне становится все труднее объясняться со здешними жителями, – проворчал он и с упреком обратился к сестре: – Почему ты не заставила меня выучить язык саксов? Смогла ведь как-то уговорить Эрика и Торалла!

Эрик и Торалл были их младшими братьями, и Кристен напомнила:

– Их легко было убедить и даже приказать, тогда они были совсем маленькими. А ты? В жизни ничего не хотел слушать! – И, не обращая внимания на то, что Селиг пытается что-то возразить, продолжала: – И к чему тебе понадобилось ввязываться? Тебя это совершенно не должно касаться.

– Да… сам не знаю, – пожал плечами брат. – Просто у меня будет слишком много свободного времени до того, как приплывет Ивар, так что больше нечего делать, кроме как просидеть за кружкой эля следующие две недели.

Заметив, что почти все женщины по-прежнему беззастенчиво разглядывают ее брата-красавца, Кристен, вздохнув, обратилась к мужу:

– Может, это не такая уж и плохая идея.

– Тебе не кажется, Селиг, что ей надоел брат, который вечно путается под ногами и торчит в доме? – усмехнулся Ройс.

– Ничего здесь смешного нет, сакс, – раздраженно бросила Кристен. – Я горячо люблю брата, и ему это прекрасно известно, но мне не нравится, что, когда он здесь, вся работа стоит. Вместо того чтобы послушаться меня, вывести его во двор и сломать нос, ты…

– Но ты в жизни не предлагала такого, – едва удерживаясь от смеха, перебил Ройс.

– А следовало бы.

– Вероятно, мне стоит поехать с ними, – предложил Ройс, – вторым толмачом.

– При твоей-то ненависти к датчанам? Ты наверняка отправишься туда с мечом в одной руке и кинжалом – в другой. Лучше уж сразу выбрать меня, тогда не понадобится второй толмач, поскольку я говорю на обоих языках, – заявила Кристен.

Зеленые глаза мгновенно сузились, явно показывая, что Ройсу не слишком по душе пришлось это предложение. Послать его красавицу Кристен в гнездо грабителей-датчан, много лет жадно хватавших все, что только привлекало их внимание, разорявших страну, убивавших людей? Да он лучше вновь закует ее в цепи, хотя, когда в последний раз Ройс сделал это, она превратила его жизнь в ад.

– Ты никуда не поедешь, – произнес он, глядя на нее горящими глазами, словно подначивая ее вступить с ним в спор.

Прежде чем Кристен открыла рот, вмешался Селиг:

– Отец шкуру с меня сдерет, если я позволю тебе отправиться в Восточную Англию без сопровождения целой армии, Крис, и ты это прекрасно знаешь. Да ты и сама не захочешь надолго разлучиться с мужем и детьми. У вас обоих и без того много дел, а вот мне действительно нечем заняться. И кроме того, у Ройса полно людей, знающих кельтский, так что любой может служить вторым толмачом.

– Элфмар вполне подойдет, – согласился Ройс. – Правда, епископу может не понравиться слишком сложная процедура и то, что его слова должны будут пройти через чужие уста не один раз, а дважды, прежде чем достичь ушей короля, – добавил он.

– Что касается этого, – отмахнулся Селиг, – вполне вероятно, у короля Гатрума при дворе есть собственный толмач, а я и Элфмар просто будем внимательно слушать все сказанное, чтобы знать, что нас не обманывают и не стараются перехитрить.

– Да, ты скорее всего прав, и я поговорю с епископом, но решать будет он, – широко улыбнулся Ройс, показывая, что шутит. – Может, он скорее предпочтет вернуться к Алфреду, чем доверить норвежскому викингу представлять саксов в переговорах с датскими викингами. Ты был бы удивлен, узнав, как много саксов не делают между ними никакого различия.

При этих последних словах Селиг рассмеялся:

– Я помню время, когда и ты не видел особой разницы между датчанами и норвежцами!

– Это было до того, как я встретил вот этого викинга, – вздохнул Ройс, притягивая к себе на колени и не думающую протестовать Кристен, что, как отметил Селиг, не так-то легко, поскольку сестра была настоящей великаншей по сравнению с саксонскими женщинами. – У нее есть способ заставить мужчину забыть обо всех войнах на свете, – продолжал Ройс, нежно глядя на жену.

– О чем ты сейчас думаешь, муж мой? – поинтересовалась Кристен, обнимая Ройса.

– О том, что час уже довольно поздний.

Селиг молча ухмыльнулся, наблюдая их любовные игры. И он и его семья давно уже были вынуждены смириться с тем, что Кристен без памяти влюблена в своего сакса.

– Да, – согласился он. – Думаю, и мне пора отправляться в постель, если завтра с утра пораньше придется держать путь в Восточную Англию.

– Вот именно, если, – съязвила Кристен. – И если намереваешься сегодня ночью делить эту самую постель, лучше поскорее выбирай, с кем, потому что я не желаю повторения той драки, что случилась из-за тебя в прошлый раз, и не собираюсь никого разнимать, не говоря уже о том, что вопли этих бешеных баб наверняка разбудят гостей.

– Но я-то не виноват, Крис! – Селиг протестующе закатил глаза. – Эдит никак не хочет понять, что я не буду… не могу… не выношу ревности.

– Уж это точно! Любую ревнивицу в два счета доведешь до убийства!

– Оставь его, злючка, – вмешался Ройс, едва удерживаясь от смеха. – Ты уже довольно поиздевалась над ним сегодня! Смотри, он багровый, как свекла!

– Он? – фыркнула Кристен, делая вид, что никак не может поверить этому. – Да он перестал краснеть из-за женщин уже лет с пятнадцати! У моего брата нет ни стыда ни совести.

– Поскольку она не желает слушаться мужа, – перебил Ройс, подхватив жену на руки и поднимаясь, – придется посмотреть, нельзя ли отвлечь ее и найти другое, куда более приятное занятие.

Селиг заметил, что Кристен и не подумала возражать.

– Вы сломаете себе спину, если снова попытаетесь тащить меня по этой лестнице, милорд, – только и пробормотала она.

– Господи Боже, как я ненавижу, когда ты бросаешь мне подобный вызов!

Ройс действительно нес жену на руках до самой спальни – отнюдь не легкая задача, поскольку Кристен вряд ли могла считаться пушинкой. Зато у Селига не было сомнений, что Ройс сумеет заставить жену отблагодарить его.

Кристен не ошиблась относительно брата – в зале было слишком много женщин, из которых можно было выбирать, женщин, готовых на все и стремившихся оказаться в его постели хотя бы на одну ночь. И если бы Селиг не старался угодить каждой, не отвечал так охотно на любой зазывный взгляд, жизнь наверняка была бы куда более легкой и спокойной.

Усмехнувшись, Селиг поманил пальцем Эдит. Может, нужно выбрать другую? Это ведь она подралась из-за него и победила, но Селиг и так достаточно наказал девчонку, всю ночь утешая побежденную. Однако ревность и собственнические инстинкты Эдит стали совершенно новыми переживаниями для Селига. Сам он никогда не испытывал подобных чувств, и все его женщины также хорошо усвоили, что не стоит поддаваться столь безнадежным эмоциям. Если они хотят верности, значит, придется поискать другого любовника, только

и всего.

– Желаете еще эля, милорд? – мрачно спросила Эдит, надувшись и явно не ожидая услышать ничего хорошего. Но Селиг одарил ее улыбкой, завоевавшей сердца бесчисленных женщин, улыбкой, осветившей, казалось, весь зал.

– Нет, только тебя, милашка.

Она чуть не сбила Селига со скамьи, несмотря на то, что он был выше едва ли не на фут и весил больше девушки фунтов на сто. Она бросилась ему на шею с такой силой, что Селиг не успел опомниться: губы впились в его рот жадным поцелуем, руки уже пробрались под тунику. Селигу хотелось смеяться. Может, ревность, в конце концов, не такая уж плохая штука!

Глава 3

На следующее утро Селиг отправился в Восточную Англию. Как оказалось, престарелый епископ с восторгом принял его предложение, поскольку и сам немного говорил по-кельтски. Однако на случай каких-либо затруднений к посланцам присоединился и Элфмар. Правда, среди всех только епископ с нетерпением ожидал той минуты, когда наконец окажется во владениях датчан. Остальные слишком долго и жестоко сражались с ними, чтобы чувствовать себя в безопасности в окружении недавних врагов, пусть даже сейчас между ними и заключен мир.

Селиг, узнавший датских викингов задолго до саксов, тоже не питал к ним неприязни.

Но пройдет еще несколько дней, прежде чем границы Уэссекса останутся позади, поскольку из уважения к преклонным летам епископа всадники не торопили коней и часто останавливались на отдых в попадавшихся на пути поместьях или просто у обочины дороги, если местность была пустынной.

Медлительность путешествия совсем не раздражала Селига. Характер у него ровный, веселый, и вывести его из себя было не так-то легко. Кроме того, он еще

почти не видел страны, где решил обосноваться, если не считать того случая, когда, оправившись от раны, нанесенной кузеном Ройса, разыскивал сестру и друзей или когда решил присоединиться к войску короля Алфреда, собиравшегося воевать с датчанами.

Сестра проводила его.

– Я позабочусь о том, чтобы Ивар и остальные не разнесли по камешку новый дом, если вернутся раньше тебя, – пообещала она на прощание. – Но ты лучше моли Бога о том, чтобы при дворе короля Гатрума не оказалось женщин, иначе они просто не отпустят тебя!

Селиг только рассмеялся на это. Кристен и в самом деле любила поддразнивать его, тем не менее по крайней мере половина из сказанного ею была абсолютной правдой. Его люди тоже вечно подшучивали над ним, называя «Селигомангельское личико», хотя при рождении ему было дано второе имя – «Благословенный», и не за чарующую внешность, а потому, что, когда повитуха, принимавшая младенца, посчитала его мертвым, отец вдохнул в мальчика жизнь.

Второй день путешествия выдался таким жарким, что посланцы ехали даже медленнее, чем накануне, щадя тучного епископа. Но компания была приятной, местность – красивой, вокруг расстилались зеленые поля и цветущие луга.

Пока они проезжали через небольшую рощу, затенявшую узкую тропинку, Элфмар развлекал Селига веселыми историями и сейчас рассказывал о языческой богине, спустившейся на землю в поисках любовника, простого смертного. Случилось так, что все могучие и великие воины отправились сражаться, и богине пришлось одарить милостями низкорожденного ничтожного свинопаса. Однако на самом деле в обличье пастуха оказался бог, воспылавший к ней такой любовью, что готов был даже валяться в свином навозе за одну ночь с ней. Но богиня разгадала обман и…

Нападение из засады застало путников врасплох. Враги сыпались с деревьев, как спелые яблоки, выпрыгивали из кустов, размахивая дубинами и кинжалами.

Никто не успел даже вытащить меч или хотя бы помолиться перед смертью – удары обрушивались со всех сторон. Из дюжины нападающих Селиг успел

выделить лишь одного, правда, тоже незнакомого, скорее всего грабителя, хотя мужчина казался чересчур хорошо одетым, а меч, рассекший епископа пополам, был слишком тонкой работы. Но тут в голове взорвалась слепящая боль, и Селиг почувствовал, что скользит вниз.

Молодой человек подвел своему повелителю и лорду прекрасного боевого коня. Лорд вскочил в седло и обозрел кровавую бойню, устроенную его людьми.

– Уведите их лошадей, – приказал он. – И заберите у них деньги, чтобы все посчитали их ограбленными.

– А что, если Алфред пошлет других?

– Их ожидает та же участь.

Глава 4

Леди Эрика поднесла к губам черпак, попробовала густую похлебку из зеленого горошка и вздохнула. Повар опять нуждается в наставлениях!

– Побольше шафрана, Герберт, и не скупись добавить соли! Торговец скоро приедет, и мы сможем пополнить запасы, купим все недостающее и про твои пряности не забудем.

Можно было бы и не упоминать об этом. Семь лет – достаточно долгое время, чтобы эти люди усвоили: их новый хозяин, пусть и датчанин, совсем не похож на прежнего, злобного старого скрягу. Но они, эти крепостные, народ пугливый и застенчивый, что неудивительно, если вспомнить, как жестоко и бесчеловечно обращались с ними.

Эрика положила конец бессмысленным наказаниям и жестоким избиениям еще четыре года назад, когда приехала сюда, чтобы управлять хозяйством брата, Рагнара, предоставившего сестре полную свободу.

Конечно, ее трудно назвать мягкой и доброй: Эрика вполне могла приказать высечь виновного, если он того заслуживал, и в самом крайнем случае даже велеть повесить – иначе она просто не смогла бы править владениями Рагнара в его отсутствие. Но, как оказалось, особых трудностей у нее не возникло. Эрика просто старалась быть справедливой и делать так, чтобы наказание соответствовало проступку.

Эрика осуждала брата за то, что он целых три года не заботился ни о делах, ни о здешних людях, до того как позволил ей наконец приехать. Впрочем, в этом, может, и нет его вины – Рагнар почти все это время сражался за новые земли и, конечно, не знал, что здесь происходит.

Ему досталось неплохое поместье, причем без всякого кровопролития. Старый английский лорд, живший здесь, так боялся потерять свои владения, что предложил Рагнару Харалдсону руку единственной дочери. И Рагнар был счастлив взять девушку в жены, получив заодно богатое приданое и преданность ее людей.

Тесть вскоре благополучно скончался, и Рагнар без всяких затруднений стал единственным хозяином и лордом, так как других детей у старика не было. И поскольку венчание проводилось по христианскому обряду, вассалы прежнего господина хранили верность новому даже после трагической смерти его жены при родах, девять месяцев спустя после свадьбы. Теперь они стали людьми Рагнара и Эрики.

С ее появлением был немедленно положен конец не только несправедливым наказаниям, но и полуголодному существованию, изнасилованиям, смертным приговорам за любые самые мелкие проступки. Однако эти люди так долго существовали под бесчеловечным ярмом, что почти каждый носил на спине рубцы от кнута и плети. Должно было пройти немало лет, прежде чем будут забыты ужасы прошлого.

Именно поэтому Эрика так осторожно говорила с поваром и даже смягчила упрек улыбкой.

– Неплохо, чтобы похлебка была погуще, Герберт, я ведь знаю, как хорошо ты умеешь ее варить. И, честно говоря, предпочитаю твой рецепт своему.

Лицо повара, глядевшего вслед хозяйке, сияло от похвалы. Таково было впечатление, производимое ею на слуг, по крайней мере мужского пола, вне зависимости от одобрения или порицания. Девушка настолько была красива, что стоило ей улыбнуться, и сердца даже закаленных воинов мгновенно таяли, как лед под лучами солнца.

Правда, Эрика почти не обращала внимания на свою внешность и отнюдь не гордилась прекрасным лицом, поскольку хорошо помнила, как завидовали ей ее сестры. Теперь она давно успокоилась и даже иногда радовалась своему отражению в металлическом зеркале, подаренном братом. Люди часто любовались овальным личиком с высокими скулами, маленьким прямым носиком и розовыми полными губками. Из-под изогнутых бровей смотрели голубовато-зеленые глаза, окаймленные густыми ресницами. Но предметом ее гордости были волосы, длинные и золотистые, по временам с медно-красным оттенком.

Эрика казалась выше многих людей, среди которых теперь жила, но зато была узкокостной и стройной, что придавало ей изящно-грациозный вид. Правда, никто не мог назвать девушку тощей, наоборот, женственные изгибы и округлости говорили о том, как расцвела Эрика, как налились ее груди, а длинные ноги были упругими и прямыми.

Стоило Эрике пройти по комнате, и все глаза немедленно обращались на нее, как сейчас, когда девушка покидала кухню. Однако теперь редко кто не замечал тень, следовавшую за Эрикой повсюду.

Переход в холл освещало множество факелов. Эрика только сейчас сообразила, что уже слишком поздно и обитатели дома давно хотят есть. Ужин задерживался из-за очередного воровства, понадобилось слишком много времени, чтобы определить и подсчитать нанесенный урон.

Эрика поспешила в холл, зная, что Герберт не прикажет подавать на стол, пока хозяйка не займет свое место. Но мысли девушки все еще были заняты грабителями.

– Семь караваев хлеба и половина всех специй, – обратилась она к своей тени. – Вне всякого сомнения, пряности можно продать, но вот хлеб?.. Ты случайно не заметил, что кто-то особенно разжирел за последнее время?

В ответ раздалось громкое ворчание, означавшее, очевидно, «нет».

– А Уолнот не подозревает, кто этот странный вор? – продолжала Эрика.

Последовало очередное ворчание. Девушка вздохнула. Вот уже две недели, как они подвергались непрестанным набегам, из-за которых почти лишились съестных припасов, оружия и даже нескольких голов скота. Виновным был либо чрезвычайно умный и пронырливый чужак, ухитрявшийся пробираться в дом незамеченным, либо кто-то из своих, сбывающий краденое по дешевке в Бедфорде. Удивительно, что Уолнот, капитан стражников, еще не поймал его, поскольку за такое преступление полагалась хорошая порка, а Уолнот больше всего на свете любил пускать в ход кнут.

Эрика с первого взгляда возненавидела этого грузного сакса. Капитан был высокомерен до наглости и обращался с людьми так жестоко, что любой совершивший проступок заранее дрожал от ужаса перед наказанием. Она давно бы прогнала Уолнота, не подчинись тот безоговорочно ее условиям. По правде говоря, Уолнот ни разу не дал повода избавиться от него. Солдаты повиновались ему и, без сомнения, боялись капитана куда больше хозяйки. Он всегда пытался назначить гораздо более суровые наказания, чем предлагала Эрика, но беспрекословно соглашался с ней, хотя и с заметной неохотой.

Эрика добралась до зала, увидела, что он хорошо освещен, а обитатели поместья собрались по двое, по трое и о чем-то толковали, но не подходили к накрытым столам. Девушка понимала, что почти все боятся возвращения голодных времен и, хотя должны уже были бы привыкнуть к спокойной и сытой жизни, видно, нелегко им отречься от прежних страхов. Однако Эрика с радостью замечала, что люди больше не замолкают при ее появлении, как в первый год, когда она только появилась здесь. Конечно, они явно трепетали, но не перед ней самой, а перед ее тенью.

Его звали Терджис-десять футов. Разумеется, «десять футов» было свойственным датчанам преувеличением. Однако в данном случае это прозвище вполне соответствовало ему. Рост великана составлял семь футов. У него были широченная грудь и плечи, как у медведя, спутанная грива и густая борода ярко-рыжего цвета. Его карие глаза светились необыкновенной добротой, по крайней мере так считала Эрика. Хотя, кроме нее, никто так не думал, в том числе и ее брат, поскольку Терджис с его боевым топором, в три раза больше обыкновенного, мог вселить страх даже в каменное сердце. Он ни на шаг не

отходил от Эрики, повсюду следуя за ней.

Так было с той поры, когда десятилетняя Эрика обнаружила его у своего убежища – сказочного озера, на берегах которого искала покоя от постоянных приставаний и препирательств домашних. Девочка нашла полумертвого воина, лежавшего в луже собственной крови, с топором в спине и полудюжиной ран на теле. Терджис оказался норвежцем, проданным в рабство собственным братом. Работорговцы пообещали ему продать Терджиса на невольничьих рынках востока. Матросы на корабле дразнили великана тем, что новый хозяин получит за него хорошую цену, поскольку из Терджиса выйдет прекрасный евнух. Неудивительно, что Терджис попытался бежать, когда судно пристало к пристани, принадлежавшей семье Эрики, чтобы пополнить запасы и набрать воды. В погоне участвовала вся команда, и мертвые тела устилали лес от пристани до самого озера.

Обо всем этом Эрика узнала позже, но в тот момент ее волновало только, выживет ли незнакомец. Привести помощь – значит выдать свое укромное местечко, о котором больше никто не знал, но если позволить этому бедняге умереть и разлагаться здесь… то тогда она все равно никогда не сможет здесь появиться. Поэтому Эрика решила сама выхаживать незнакомца. Она, как могла, зашила ему раны, лечила всеми известными травами, и, каким бы чудом это ни казалось, раненый выжил. Пока Терджис выздоравливал, отец Эрики успел захватить корабль, оставшийся без команды, живой груз и даже продать рабов в Берке. Получив неплохую прибыль, он почти не расспрашивал о погибших в лесу и не поинтересовался, кого в один прекрасный день привела домой дочь.

– Это мой друг, – просто объявила она.

Никто не возражал, что у девочки появился свой телохранитель. Он был не очень-то разговорчивым, но Эрика скоро научилась понимать и истолковывать издаваемые великаном неразборчивые звуки, похожие скорее на медвежий рев. Зато о лучшем друге можно было только мечтать. Кроме того, отец уже больше не смел поднимать на нее руку, как, впрочем, и ее многочисленные братья и сестры.

У отца были две законные жены и три наложницы, и каждая из них успела к этому времени подарить своему повелителю множество детей. Ко времени его смерти в доме насчитывалось двадцать отпрысков, но ни с одним, кроме Рагнара, ее настоящего брата, Эрика не была близка.

Первая жена родила старику четверых дочерей и трех сыновей, причем все были гораздо старше остальных. По правде говоря, наследник отца, занявший его место, сам имел трех взрослых дочерей, которых следовало выдать замуж, прежде чем позаботиться о женихе для Эрики и еще одной незамужней сестры. А поскольку большинство молодых людей здешних мест отправились искать удачи и богатства в новых землях, неудивительно, что все считали Эрику старой девой, обреченной оставаться в одиночестве всю жизнь, без своего дома, мужа и детей.

Но получилось так, что брат, давно покинувший родину, сумел добиться успеха. И одним из самых счастливых дней в жизни Эрики был тот, когда Рагнар прислал за ней и попросил ее поселиться с ним в только что покоренных владениях Восточной Англии. Она не питала слишком больших надежд, просто была рада покинуть тесный, шумный дом, избавиться от ревности, зависти и мелких ссор его обитателей.

Рагнар разделил с сестрой богатство, сделал ее полноправной хозяйкой в доме и в свое отсутствие предоставлял ей полную власть. В душе Эрики вновь разгорелась надежда на замужество. Ей не раз делали предложение люди Рагнара, закаленные в боях викинги, но сам Рагнар отказывал всем, поскольку мечтал выдать Эрику замуж за богатого могущественного лорда, грозного повелителя. Теперь их дом был здесь, и настало время укрепить свое положение выгодными браками.

Вместе со своими людьми Рагнар отправился на поиски невесты для себя и жениха для сестры. Эрике следовало бы чувствовать себя на седьмом небе. Рагнар обещал, что она будет довольна человеком, которого он привезет для нее, в чем она почти не сомневалась, поскольку брат желал сестре счастья. Беда была в том, что теперь ей уже вовсе не так хотелось замуж. Брат, можно сказать, так избаловал ее, что Эрика не желала для себя лучшей участи. Даже мечта о детях исполнилась – она взяла на себя воспитание сына Рагнара, Терстона.

Нет, если откровенно, Эрика, конечно же, хотела иметь мужа, мечтала, что любовь осенит ее своим крылом, и часто молилась о том, чтобы мужчина, найденный для нее Рагнаром, оказался этой настоящей любовью. Но пока она была всем довольна и боялась перемен, опасаясь потерять обретенное счастье. Оставалось надеяться, что все эти страхи вполне естественны и многие

женщины испытывают то же самое, особенно перед свадьбой.

Вместе с тем девушка сознавала, что ей несладко придется, если Рагнар снова женится. И хотя Рагнар, конечно, не откажет Эрике в крове и пропитании до конца жизни, но ей не хотелось бы снова ощущать себя лишней и ненужной.

Поэтому она не стала возражать против решения брата и даже не просила его подождать со свадьбой еще год-другой. Рагнар был уверен, что выполняет заветное желание сестры. Она не разубеждала его, хотя в душе ее царило смятение. Ей действительно хотелось как можно дольше оставить все как есть, но она не предполагала, что перемены наступят гораздо быстрее и окажутся намного серьезнее.

Глава 5

Воловья упряжка медленно тащила телегу по лесной дороге. Поводья едва удерживала старуха с взлохмаченными седыми волосами и скрюченными ревматизмом руками. Рядом с телегой, прихрамывая, шла девушка. Правда, боли она явно не испытывала, просто одна нога у нее от рождения была короче другой. Запах разложения ощущался в воздухе задолго до того, как женщины наткнулись на мертвецов. Именно эту ужасную вонь, которую старая Волда впитывала почти с наслаждением, так ненавидела Блит, ее молодая племянница. Ненавидела, но привыкла к ней едва ли не с самого детства.

Завидев наконец тела погибших, Волда поспешно и с готовностью спрыгнула на землю. Для своего возраста она была на удивление бодрой и начала поспешно переворачивать тела, обыскивая убитых, и не успела Блит подойти, как услышала ворчание тетки:

– Фу, наглость какая, эти чертовы стервятники поспели раньше нас!

С таким же успехом она могла сказать «другие стервятники», поскольку старуха кормила себя и племянницу, обкрадывая усопших. Войны, разорявшие страну, были радостным событием для нее и собратьев по омерзительному ремеслу, и она следовала по пятам датской армии с такими же мародерами под предлогом,

что ищет на поле брани сына, так что никто не обращал внимания на Волду, когда та шарила по карманам, загребая все, что попадалось под руку, будь то деньги или драгоценности. Но на этот раз Волда сказала истинную правду: другие мародеры уже наткнулись на тела погибших и собрали поживу. Все сапоги, если не считать одной проношенной до дыр пары, были сняты, плащи, доспехи, оружие исчезли. Осталось всего две туники, но настолько изрубленные мечами, что даже самые алчные грабители не польстились на них. Правда, забрали поножи и лосины, поэтому почти на всех мертвецах были лишь набедренные повязки, пропитанные кровью и запахом разложения. Двоих раздели догола, очевидно, даже их белье было достаточно тонким. Скорее всего, это знатные господа. Блит старалась держаться наветренной стороны, терпеливо ожидая, пока тетка закончит свое отвратительное дело. Волда, злясь на собственную медлительность, с остервенением стаскивала с убитого окровавленную тунику. Блит знала, что тетка выстирает одежду, заштопает и обменяет на рынке на горячий обед.

Девушка брезговала прикасаться к ледяным телам, и Волда никогда не просила ее о помощи, за что племянница была ей искренне благодарна. Зато именно она продавала добычу, а иногда и себя, когда наступали тяжелые времена. Волда вырастила Блит, и другой жизни она не знала. Но тетка старела и нуждалась в крыше над головой и доме, а не в запряженной волами телеге и холодной земле вместо постели.

Но теперь у них появилась надежда, хотя и очень робкая: до Волды дошли слухи, будто жена ее кузена умерла, и они решили навестить его в Бедфорде. Именно жена Олдриха упорно не хотела дать им приют. Волда мечтала, что кузен женится на Блит и даст им кров, в котором они так отчаянно нуждались. Олдрих, хотя и намного старше девушки, не был ни злым, ни уродом, так что Блит вовсе не противилась замыслам тетки. Кроме того, он всегда был добр к родственнице, несмотря на ее искалеченную ногу. А дом и горячая еда каждый день… что может быть лучше.

Блит рассеянно огляделась, желая, чтобы все поскорее кончилось. Она ненавидела смерть, с которой сталкивалась едва ли не каждый день, однако сегодня ее взгляд с какой-то странной зачарованностью то и дело невольно возвращался к погибшим… особенно к одному. Наконец девушка не выдержала и подошла ближе. Это был один из двух раздетых до нитки мертвецов. Волда перевернула его, ворча и ругаясь – уж слишком он был велик, – чтобы посмотреть, не осталось ли колец на руках. Скорее всего молодой человек не

носил драгоценностей, поскольку ни один палец не был отрублен, по обычаю, мародерами. Они всегда поступали так, чтобы быстрее завладеть добычей. На сильном загорелом теле не было ни единой раны, хотя Блит увидела достаточно шрамов, чтобы сразу распознать в молодом человеке бывалого воина. Кроме того, она еще никогда не встречала такого великана. Но лицо… от него невозможно было отвести глаз… лицо ангела, такое прекрасное, что от одного взгляда на него странно щемило сердце. И впервые за все эти страшные годы постоянных столкновений со смертью на глаза девушки навернулись слезы.

Блит, не знавшая, что Селиг производил такое воздействие на всех женщин, и никогда не видевшая его раньше, могла только оплакивать гибель человека с такой необычной внешностью. Пользуясь тем, что тетка не обращает на нее внимания, девушка опустилась на колени и поднесла руку к его щеке. Кожа оказалась теплой и податливой, и Блит, охнув от изумления, с визгом отдернула пальцы, почувствовав слабое дыхание.

– Тетя Волда, этот человек не мертв!

Старуха, не переставая складывать вещи, подняла глаза и спокойно спросила:

– Ну и что? Значит, скоро отправится на тот свет!

– Но на нем ни одной раны!

Волда, кряхтя, поднялась и подошла к племяннице. Она слишком долго трудилась, чтобы перевернуть гиганта, и поэтому точно знала, что он не убит ударом в спину. Старуха пощупала лоб и затылок незнакомца и обнаружила огромную шишку, размером с кулак, несомненно, послужившую причиной его нынешнего состояния. Пожав плечами, она разжала руки, нимало не заботясь о том, что голова несчастного со стуком ударилась о землю. Несмотря на очевидную боль, молодой человек не издал ни звука.

– Череп проломлен, – объявила Волда. – От такого редко кто приходит в себя.

– Но он может выжить?

– Да, при постоянном уходе, чего он, вне всякого сомнения, здесь не получит. Ну, а теперь поторопимся. Пора ехать.

– Я могла бы ухаживать за ним, – выпалила Блит.

– С чего бы это? – Волда недовольно поморщилась. – У нас не так много еды, чтобы останавливаться в этом месте. Кроме того, это все равно зряшная затея. Он уже почти мертвец.

– Если можно спасти его, я попробую, – упрямо повторила Блит, снова уставившись на незнакомца.

– Говорю же, нельзя здесь рассиживаться. Нужно добраться до деревни и что-нибудь раздобыть…

– Тогда мы возьмем его с собой.

– Да ты никак рехнулась, девочка? – Волда раздраженно воздела руки к небу. – К чему нам такие глупости?

– Чтобы спасти его, – просто объяснила Блит.

– Но кто он тебе?

И тут Блит умудрилась найти единственные слова, способные заинтересовать Волду:

– Он наверняка вознаградит нас за спасение, и, поверь, уж не какими-то жалкими медяками, а золотом. Не меньше сотни монет! Посмотри, он точно знатный лорд, иначе почему на нем и нитки не оставили? И не лучше ли приехать к Олдриху со звонкой монетой в кармане, чтобы не казаться совсем уж нищими и убогими?

Волда немедленно встрепенулась, по-видимому, признав правоту племянницы, однако не спешила соглашаться.

– Не так-то легко впихнуть кашицу в горло полумертвого человека, который к тому же не может сам глотать, – хмуро заметила она. – Он будет слабеть с каждым днем и погибнет через неделю.

– Может, и все двести монет… – не отступала Блит.

– Так и быть, помоги мне взвалить его на телегу. Но предупреждаю, девочка, если он не очнется к тому времени, как мы доберемся до Бедфорда, я самолично выброшу его в кусты. Нельзя появиться в доме Олдриха с этим человеком, он нас и на порог не пустит! Мой кузен не любит лезть на глаза благородным господам, пусть даже и благодарным за спасение! Ничего хорошего из этого не выйдет. Так что или дашь обещание, или я с места не тронусь. И чтобы никаких споров, когда придет время избавиться от него!

Блит с готовностью кивнула, твердо уверенная, что за две недели они сумеют исцелить незнакомца, поскольку раньше им все равно не добраться до Бедфорда на неуклюжей телеге, запряженной медлительными волами.

Такой великан, конечно, не поместился на телеге, и задок пришлось опустить так, что его ноги свисали над краем и даже в этом положении оказались настолько длинными, что задевали за каждый бугорок. Но мужчина ни разу не очнулся.

Дни проходили в непрестанных жалобах и ворчании Волды, хотя она все же показала Блит, как растирать горло больного, чтобы он смог проглотить хоть немного жидкости. Однако незнакомец почти ничего не ел, и Блит не могла понять, слабеет ли он, поскольку с самого начала гигант казался исключительно здоровым и мускулистым. Но она нежно заботилась о нем, потому что, сама не замечая, влюбилась по уши.

Девушка даже продавала себя, чтобы купить ему мясо для бульона, и делала это с радостью, исполненная решимости вернуть его к жизни, несмотря на то, что он ни разу не открыл глаз, не шевельнулся и почти все время горел в жару.

Блит делала все, что могла, хотя ни она, ни Волда ничего не понимали в искусстве исцеления. Когда они наконец достигли Бедфорда, состояние мужчины все еще оставалось тяжелым. Помня о данном обещании, Блит ухитрилась мольбами и лестью уговорить тетку остаться здесь еще на два дня,

но о большем просить не могла – на карту было поставлено ее собственное будущее, впереди ждала лучшая жизнь. Волде удалось втолковать племяннице, что нельзя подвергать такому риску их счастье и все ради совершенно неизвестного человека. Но Боже, помоги ей, Блит еще никогда в жизни не испытывала такой сердечной боли, как в тот момент, когда все-таки пришлось бросить незнакомца на произвол судьбы. Она горько рыдала, обряжая его в одежду, взятую из запасов Волды, и ни в чем не уступала тетке, хотя та никак не могла понять столь глупого расточительства и уверяла, что больному все равно не жить.

Но Блит отчаянно сопротивлялась и наотрез отказывалась оставить мужчину в чем мать родила, как в тот день, когда они нашли его. Это самое малое, что она могла сделать, особенно теперь, когда так бесчеловечно бросает его.

Но в конце концов бушующие чувства взяли верх, и девушка почти набросилась на Селига, осыпая пощечинами, вопя в бессильной ярости, чтобы он очнулся. Боже, неужели тетка оказалась права?! После всех ее забот и терзаний он не очнется… никогда… никогда… Наконец Волда оттащила племянницу, ругая за нытье и распухшие от слез веки, уверяя, что Олдрих терпеть не может плачущих женщин. Однако Блит было все равно. Она сумеет уговорить Олдриха жениться на ней, несмотря на красные глаза! Но девушка знала: пусть она больше никогда не увидит прекрасного незнакомца, все равно будет помнить его до конца жизни.

Глава 6

Селига привел в чувство дождь, мерно падавшие капли, собравшиеся в густой кроне над его головой и ударявшие в самую середину лба. Он чуть приоткрыл глаза, но боль в затылке оказалась настолько мучительной, что мгновенно опрокинула его в бездонную пропасть мрака на весь следующий день. Когда он вновь очнулся, сияло солнце, и яркий свет немилосердно резал глаза. Селиг ухитрился кое-как оглядеться сквозь едва приоткрытые веки и понял, что лежит не на самом солнцепеке, а под густыми кустами, защищавшими от палящих лучей. Боль в голове вспыхнула с новой силой. На этот раз она оказалась не столь милосердной, не собиралась отступать, не погрузила его в забытье, и Селиг боялся шевельнуться и долго, мучительно пытался кое-как сжиться с

безжалостно-жгучим стуком в висках, стискивая зубы, чтобы не застонать. Наконец ему удалось поднять руку, чтобы определить, откуда исходит боль, но пальцы отказывались повиноваться, а рука бессильно падала. «Скорее всего от слабости», – решил Селиг. Наверное, он потерял много крови и теперь начал по-настоящему тревожиться, что попал в беду. Ему так плохо, что смерть, должно быть, близка, а Селиг по-прежнему не имел ни малейшего представления, куда его ранили.

Немного выждав, он вновь попытался отыскать рану, и на этот раз с большим успехом. Сначала Селиг дотронулся до лица и, хотя боль, казалось, была повсюду, обнаружил всего-навсего негустую щетину. Он, несомненно, пролежал без сознания совсем недолго, не больше дня, естественно, он не мог знать, что заботливые руки каждый день брили и обтирали его. Наконец Селиг нащупал огромную шишку на голове и невольно застонал, когда пальцы коснулись чувствительного места. Конечно, опухоль теперь была гораздо меньше, чем вначале, и Селиг немного успокоился: все не так серьезно, как он предполагал. Пальцы не слипаются от крови… Тогда почему же он так обессилел? Может, есть и другие раны, просто голова слишком сильно ноет, чтобы почувствовать и другую боль?

Селиг медленно ощупал себя, слегка пошевелил ногами, удивившись, что ничего не ощущает, кроме разве того, что конечности неприятно затекли, тело словно сковано, а в животе противная пустота. Впрочем, это неудивительно, если учесть, что все это время он не ел. Правда, пятки почему-то горят, словно по ним прошлись палкой. Но поскольку Селиг так и не смог сообразить, в чем дело, то и решил в конце концов не слишком задумываться: и без того голова болела нещадно.

Однако он все-таки попытался подумать, как вернуться домой, в Уиндхерст, до которого, должно быть, не менее дня пути… самое большее два, если тащиться пешком. Но даже представить себе, что придется сесть, а тем более встать, было невозможно. Селиг пролежал еще около часа, боясь шевельнуться. Наконец он решился. Приподнявшись сначала на локтях, а потом потихоньку отталкиваясь, умудрился сесть. Оказалось, что ужасные предчувствия его не обманули: перед глазами все закружилось, и, что еще хуже, внутренности немедленно стиснуло тошнотными судорогами.

Селиг наклонился, ожидая, что его сейчас вывернет наизнанку, но ничего не последовало. Однако он продолжал кашлять и давиться, и каждый раз тело

резко дергалось, а череп раскалывала слепящая боль, пока наконец страдания не стали невыносимыми, а сознание затуманилось.

Когда Селиг очнулся в следующий раз, еще не стемнело, но мучения не прекратились, и кровь пульсировала в висках с такой силой, что он оставил все попытки вновь подняться. Только голод, грызущий внутренности, и странная, непроходящая слабость заставили его пошевелиться. Селиг нуждался в еде. Один[3 - Один – в скандинавской мифологии верховный бог.] помоги ему, похоже, что он целую вечность ничего не ел.

Сцепив зубы, он преисполнился решимости на этот раз подняться на ноги и отправиться в путь. И он добился своего, хотя на это ушло немало времени. Стоило ему лишь сесть, и дурнота вновь вернулась, несмотря на то, что Селиг всеми силами пытался преодолеть ее.

Перед глазами все плыло. Однако, перед тем как сделать последний рывок, Селиг успел заметить не только окружающую его местность, но и то, что он облачен в чужую одежду. Грязно-бурые штаны так тесно облегали ноги, что можно было обходиться без подвязок, и, кроме того, едва доходили до колен. Серая туника была широкой, но короткой, очевидно, ее прежний хозяин любил поесть. Она болталась так свободно, что Селиг не заметил, насколько похудел, что могло бы объяснить его слабость, хотя он так и не понял настоящую ее причину. Матерчатые башмаки проносились до дыр. Видно, поэтому так ноют ступни – должно быть, пришлось пройти немалый путь.

Селиг невольно вспомнил о том времени, когда в обличье кельтского рыбака, уроженца Девона, обшаривал южное побережье Уэссекса в поисках сестры. Тогда он тоже был одет в лохмотья, но сначала долго мучился в бредовом жару, пока не нашел знахарку, согласившуюся исцелить тяжелую рану.

В тот раз Селига тоже посещали странные видения, и теперь его на мгновение охватил страх, что он так и остался в том времени, а все случившееся с тех пор – всего лишь сон. Однако он быстро опомнился. Кроме того, боль в голове была слишком реальна и совсем не та, что в прошлый раз. Правда, одежда слишком походила на прежнюю – такая же грязная и оборванная; никак не сообразить, с чего ему взбрело в голову надеть это отрепье.

Он вспомнил, что посланцы перед самым нападением ехали по тропе, тогда кто же оттащил его в сторону? Довольно широкая дорога вилась сквозь заросли, но нигде не было видно тел. Может, их уже унесли, а о нем забыли, потому что он заполз в эти кусты? Но если он сделал это сам, то откуда взял одежду?

Селиг попытался сосредоточиться, однако голова разламывалась, так что долго размышлять над этим не было сил, да и медлить нельзя – солнце стояло совсем низко, и он не мог понять, вечер сейчас или утро, но необходимо до заката найти помощь, а как это сделать, если сидеть на месте?

Встать оказалось нелегкой задачей. Первые несколько попыток окончились неудачей – Селиг бессильно валился на четвереньки, пока слабость не прошла. Голова перестала кружиться, и Селиг с величайшим трудом ухитрился даже сделать несколько шагов: ноги подкашивались, колени подгибались, по лицу струился пот. Но упрямство и сила воли победили, а желание выжить взяло верх. Он начал медленно продираться сквозь заросли, хватаясь за ветви, опираясь о стволы, спотыкаясь, когда не находил опоры, и упал несколько раз, прежде чем смог идти.

Селиг продолжал держаться леса, так как дороги были небезопасны, особенно для безоружного путника, а у него не осталось ничего. Все пропало: топор с длинной ручкой, фризийский меч с усыпанной драгоценными каменьями рукояткой, пояс с пряжкой-талисманом, на которой был выгравирован молот Тора. Если ему когда-нибудь попадутся грабители…

Он ощутил вкусные запахи еще задолго до того, как увидел хижину, и удача, сопутствующая ему с самого рождения, вновь вернулась, поскольку в доме оказалась лишь одна хозяйка, и стоило ей взглянуть на молодого человека, как на столе тут же появились караваи свежеиспеченного хлеба, только что сбитое масло и остатки от завтрака. Добрая женщина хлопотала у очага, готовя все новые блюда, включая и куропатку, предназначавшуюся ранее на ужин мужу.

Веселая кругленькая женщина средних лет нежно ухаживала за гостем. Но это его отнюдь не удивляло. Ведь Селиг привык к подобной заботе со стороны представительниц прекрасного пола, и не важно, что он не разбирал ни слова из того, что говорила хозяйка. Селиг предполагал, что она объясняется на языке саксов, но с акцентом, ему незнакомым. Селиг старался, как мог, пробовал пустить в ход все известные ему наречия, но женщина понимала его не лучше, чем он ее. Однако это не помешало ему съесть все, что было поставлено перед

ним, пока не почувствовал, что не сможет больше проглотить ни кусочка.

Неплохо бы провести здесь ночь… Силы потихоньку возвращались, но он далеко еще не оправился, а постоянная боль в голове нисколько не унялась после обеда. Сейчас ему был необходим не только отдых, но и лекарь, а Селиг сильно сомневался в том, что хозяйка сможет помочь в этом, если ему даже и удастся объяснить ей, что с ним.

Кроме того, Селиг боялся, что лихорадка вновь вернулась, потому что ясность мысли терялась, а перед глазами все плыло, так что он время от времени переставал соображать, где находится.

Он твердо сознавал лишь одно: необходимо найти того, кто бы его понял и передал сестре о случившемся. Она приедет и заберет его домой, потому что теперь Селиг не был уверен в том, что сможет добраться сам.

Он с сожалением покинул гостеприимный дом и направился на юг. Солнце клонилось к горизонту, подсказывая, в каком направлении идти. К тому же теперь у Селига был мешок с едой, которой должно хватить на день-два, и все благодаря щедрости хозяйки. Однако он был слишком тяжел для Селига, у которого едва хватало сил, чтобы переставлять ноги. Необъяснимая слабость по-прежнему сбивала его с толку, а голову все еще разрывало так, что она, казалось, вот-вот разлетится, и сосредоточиться на какой-то одной мысли оказалось невозможно.

Проходили часы, солнце давно село, небо медленно темнело, а силы Селига были почти на исходе, хотя удача его не покинула. Оставалось достаточно света, чтобы можно было различить впереди очертания поместья – большой усадьбы, окруженной частоколом из толстых бревен. Селиг не помнил, проезжали ли они эти места, но здесь должно быть достаточно народу, чтобы нашелся хотя бы один человек, говоривший на кельтском. Он обошел высокий забор, предвкушая теплую постель и заботливые руки женщин, хлопочущих над ним. Но до ворот так и не добрался. Дурнота снова охватила Селига, и он рухнул у самой стены, не в состоянии продолжать путь, пока не станет легче…

Селигу показалось, что он слышит тихие голоса по ту сторону ограды, но различить слова было невозможно, а кроме того, он и не смог бы крикнуть достаточно громко, чтобы быть услышанным. К воротам приблизились четыре

всадника, вероятно, возвращавшийся патруль, и двое направились к тому месту, где лежал Селиг. Он облегченно вздохнул, но, к несчастью, преждевременно, поскольку обрел здесь не покой и помощь, а муки ада.

Глава 7

Направляясь в дом, Эрика едва обратила внимание на въезжавших в ворота стражников. Она снова опаздывала к ужину, что за последнее время стало привычным, и все из-за подлого грабителя. Негодяй снова совершил набег сегодня днем и на этот раз поживился ее драгоценностями. Эрика не могла ни о чем другом думать, кроме как о том, что, несмотря на все попытки, так и не удалось поймать вора.

Но не успела она сесть за стол, установленный на возвышении, и крепко обнять племянника, как один из стражников появился рядом и сообщил, что Уолнот захватил шпиона и просит разрешения повесить его. Опять его старые штучки – требует вынести приговор, прежде чем дал ей время хотя бы подумать об этом или узнать, в чем дело.

– Приведите пленника сюда после ужина, когда в холле будет меньше народа, – велела она стражнику.

Но тот почему-то неловко переминался с ноги на ногу.

– Не соблаговолит ли миледи сама выйти во двор? Потребовалось шесть человек, чтобы затащить его в темницу. Он отказывается идти сам.

– Но почему?!

– Не хочет объяснить… то есть говорит на языке, которого мы не знаем.

– Чепуха, – фыркнула Эрика. – Если этот человек шпион, он просто должен понимать нас, иначе не сможет ничего выведать, кроме того, что увидит своими глазами. В чем Уолнот обвиняет его?

– Он не сказал.

– Хорошо, – вздохнула Эрика, – я приду после того, как поужинаю. Надеюсь, дело не настолько неотложное?

Она говорила так сухо, что солдат, вспыхнув, поспешил прочь. Но теперь Эрика рассеянно жевала, не обращая внимания на то, что перед ней стоит, и размышляя над словами стражника. Шестеро, чтобы доволочь одного до темницы? Непонятная история… разве что сложением шпион походил на Терджиса, а, насколько знала Эрика, подобного Терджису не было на всем свете.

Любопытство Эрики было невольно возбуждено настолько, что она, так и не поев как следует, направилась к выходу. Ее тень, конечно, скользнула следом, с сожалением оглядываясь на недоеденный ужин.

Темницей теперь служила не просто глубокая яма в земле, в которую швыряли преступников. На ее месте была не очень большая крепкая постройка без окон, с цепями, ввинченными в стены. От прежнего подземелья осталось лишь название.

Эрика приходила сюда только однажды: не потому, что пленников было совсем немного, просто старалась выносить приговоры в зале, прежде чем преступников заковывали, поскольку, как правило, необходимости в кандалах вообще не возникало. Она сама ненавидела темницу, где жестокость, казалось, пропитывала стены, ржавые цепи, кнуты, омерзительную вонь пота, крови, немытых тел… и страха.

К счастью, приговоры выносили быстро, так что пленникам не приходилось проводить здесь много времени. Если заключенные не могли заплатить выкуп за свои прегрешения, Эрика предпочитала следовать местному обычаю и обращала провинившихся в рабство на определенный срок, обычно не больше чем на год, и редко соглашалась с Уолнотом, вечно норовившим избить несчастных до полусмерти.

Но шпионаж считался серьезным преступлением, которого не загладишь никаким выкупом, поскольку речь шла о войнах и оборонительных сооружениях, а добытые сведения могли привести к гибели сотен солдат.

Виселица была милосердным наказанием для шпиона, пойманного во время войны, но сейчас на землю пришел мир, и Эрика была даже рада тому, что не придется никого казнить. Правда, Рагнар, закаленный воин, не согласился бы с ней, но его здесь не было.

Уолнот еще не покинул темницу. Горел всего один факел, так что почти все пространство было погружено в полумрак, дым ел глаза и плотным покрывалом висел над головами. Эрика попросила оставить дверь открытой и впустить хотя бы немного воздуха. Конечно, темница находилась в ведении Уолнота, но неужели он никогда не приказывал прибрать здесь хотя бы немного?

Терджис, не привлекая к себе особого внимания, прислонился к стене у самой двери, где было всего темнее. Узника приковали к дальней стене так, что его руки были высоко подняты над головой. Но больше Эрике ничего не удавалось увидеть: пузатый Уолнот загораживал остальное.

Оказалось, что капитан, при появлении Эрики схватив заключенного за волосы, приподнял его голову, но теперь разжал пальцы и отступил. Пленник, по-видимому, потерял сознание и тяжело обвис на железных цепях. Эрика гневно вскинулась, но, не произнося ни слова, только вопросительно подняла бровь, хотя лицо Уолнота отнюдь не было виноватым, скорее раздраженным.

– Он только и делает, что притворяется, миледи, – сообщил он на местном диалекте.

Эрика обучала своих людей датскому, желая, чтобы в поместье все объяснялись на языке ее родины, но дело подвигалось медленно, а когда ее не было рядом, слуги переходили на англосаксонский. Особенно упорствовал Уолнот, даже в присутствии Эрики, но та отказывалась отвечать ему, хотя понимала наречие достаточно хорошо.

Да, этот человек не упускал возможности показать, насколько она, как женщина, стоит ниже любого мужчины. Эрике казалось, что Уолнот просто хочет подловить ее, хотя бы однажды заставить ответить на англосаксонском. Тогда он посчитает, что одержал над ней нечто вроде победы, и девушка чувствовала безмерное удовлетворение оттого, что ему это ни разу не удалось.

– Делает вид, что не понимает нас, – продолжал Уолнот, – и прикидывается таким ослабевшим, что даже стоять не может. Но достаточно одного взгляда, чтобы понять, насколько он силен!

Эрика невольно признала правоту слов Уолнота. Действительно, редко приходится видеть столь широкие плечи и грудь, а на вытянутых руках бугрились мускулы. И только сейчас, когда капитан отошел в сторону, девушка заметила, что ноги узника не болтаются в воздухе, как у остальных заключенных, а твердо стоят на земле, и колени полусогнуты: очевидно, выпрямись он, и капитан показался бы рядом с ним настоящим карликом. Вот и разгадка! Теперь ясно, почему понадобилось целых шестеро, чтобы справиться с ним! Такой великан должен весить немало, и естественно, что люди, присягнувшие на верность ее брату, не могли с ним сравниться.

Но почему он разыгрывает из себя ослабевшего несчастного больного? Может, устал настолько, что засыпает на ходу? Всякое в жизни случается. А что, если Уолнот жестоко пытал его, не дожидаясь ее прихода? Хотя… девушка была уверена, что капитан вряд ли осмелится на подобное.

Незнакомец одет, как крепостной, но, может, он специально постарался изменить внешность. Однако волосы не подделаешь! Длинные, черные как смола, выдающие кельтское происхождение их владельца.

Она ответила Уолноту на датском, в который раз уничтожив его надежду на то, что вдруг забудется и заговорит на англосаксонском.

– Возможно, этот человек измучен и устал. Кроме того, кельт может и не знать твоего наречия, но, уж конечно, знаком с моим. Ты пробовал говорить с ним по-датски?

По багровой физиономии Уолнота без слов было ясно, что тому это и в голову не пришло.

– Ты говоришь по-датски? – спросил узник, подняв голову, и Эрика ошеломленно уставилась на него, так что прошло довольно много времени, прежде чем она поняла, что делает, и невольно вспыхнула, но тут же нашла оправдание столь необычному поведению.

Глаза ее не обманывали. Красота этого человека не поддавалась описанию. Его нельзя было назвать иначе как «прекрасным», и даже это казалось слишком слабым определением. О да, он легко может выведать любую тайну… от женщин. Но женщинам редко доверяли военные секреты.

Эрика была потрясена тем, как легко способна оправдать пленника, еще не узнав, в чем дело, и только потому, что находила его красивым, ошеломительно красивым, невероятно красивым. Нет, нужно взять себя в руки, не поддаваться его чарам и судить по справедливости.

– На каком же еще языке мне говорить? Но для кельта ты сам неплохо знаешь датский. Конечно, пришлось его выучить, чтобы без помех шпионить здесь.

Но незнакомец, словно не слыша ее, задал еще один, уже совершенно странный вопрос:

– Что датчане делают в Уэссексе?

– Ну теперь по крайней мере мы знаем, на кого ты шпионишь.

– Отвечай, девчонка!

Эрика оцепенела и уже была близка к ярости, но постаралась взять себя в руки:

– Вижу, что ты привык командовать. Однако здесь вопросы задаем мы. Я леди Эрика, сестра Рагнара Харалдсона, владельца Гронвуда и окрестных земель. В его отсутствие вся власть принадлежит мне, и ответ будешь держать передо мной. Для начала назови свое имя.

– Любишь командовать? Точно как моя сестрица.

Улыбка, подаренная им Эрике, заставила ее снова покраснеть и совершенно забыть об уничижительном обращении. Кроме того, в низу живота мгновенно начал раскручиваться жаркий смерч, проникавший в каждую частицу тела. Эрика не могла объяснить, почему его слова звучали комплиментом или отчего в душе загорелась такая радость.

И тут девушка опомнилась и застонала про себя. Опять его красота так подействовала на нее. Ведет себя, словно глупая деревенская девица, ни на что больше не способная, кроме как вздыхать и жеманиться от похвал кавалера. Если она хочет, чтобы ее уважали и слушались, то не должна обращать на него внимания.

– Твое имя?! – снова рявкнула она.

Незнакомец чуть встрепенулся, но тут же обмяк. Почему он обвис на руках, почему так напрягает жилы, ведь достаточно выпрямиться, чтобы ослабить натяжение?..

– Я Селиг Благословенный, из норвежского рода Хаардрадов.

Эрика услышала, как за спиной чуть шевельнулся Терджис. Должно быть, сочувствует земляку. Оставалось надеяться, что викинг не поверит столь очевидной лжи. Девушку передернуло от раздражения: неужели незнакомец не смог придумать ничего умнее?

– Тебя выдает внешность, – усмехнулась она, но тут же вновь услышала собственный голос: – Я знаю, что корнуэльские кельты – настоящие великаны, так что ты, вероятно, один из них. Но зачем врать? Мы с ними не враждуем. Они даже помогали нашим людям сражаться против саксов.

– Но как ты очутилась в Уэссексе? – в свою очередь спросил Селиг.

Уклончивые ответы приводили ее в бешенство, как, впрочем, и смущение, которое узник столь убедительно разыгрывал. Эрика дала ему возможность оправдаться, очиститься от подозрений и получить свободу, однако незнакомец отказывался принять удобную подсказку и, похоже, вообще не обратил на нее внимания.

– Ты находишься в Восточной Англии, если хочешь знать, недалеко от Бедфорда.

– Это невозможно.

– Так, значит, я лгунья?

Эрика, плотно сжав губы, обернулась к Уолноту:

– Почему его обвиняют в шпионаже?

Гневно блестевшие глаза и раскрасневшееся лицо хозяйки без слов предостерегали капитана не отвечать ни на каком языке, кроме датского, что тот и сделал, причем довольно бегло.

– Вернувшийся патруль нашел его лежащим у забора. Он прятался во мраке, стараясь остаться незамеченным, и подслушивал, как стражники говорили о смене караула.

Эрика хотела что-то сказать, но вмешался пленник:

– Прежде всего, я сидел, а не лежал, и хотел, чтобы меня заметили, поскольку сомневался, что смогу сделать хотя бы один шаг.

– Но его мешок был набит только что приготовленной едой, – поспешно добавил Уолнот, – вероятно, украденной с нашей кухни. Может, он расшибся, когда карабкался через ограду, потому что ворота были заперты?

Эрика подняла брови:

– Ты считаешь, что он еще и наш грабитель?

– Или то, или другое, – настаивал Уолнот. – А может, даже беглый раб.

Девушка поняла, что Уолнот был полон решимости заполучить жертву на расправу, но что касается последнего утверждения, тут он промахнулся. Если этот человек в самом деле беглый раб, в чем Эрика сомневалась, здесь он обретет свободу. Многие искали убежища у датчан и чаще всего получали его, точно так же, как рабы датчан неизменно пытались сбежать в Уэссекс и Западную Мерсию. Что же касается воровства…

– Едой меня снабдила добрая хозяйка, и живет она к северу отсюда, – объяснил узник, с трудом выговаривая слова. – Найти ее и расспросить совсем нетрудно.

Эрика была склонна верить незнакомцу хотя бы потому, что такой красавец гигант вряд ли сумел бы проникнуть в дом незамеченным. Но вот шпионом он действительно мог оказаться, и брат Эрики не задумался бы жестоко расправиться с ним. В стране происходило множество войн и стычек, в которых смертельному риску подвергались тысячи жизней, если замыслы предводителей не держались в секрете, поэтому Рагнар, несомненно, тут же убил бы неизвестного, несмотря на то, что сейчас царил мир.

Но сегодня судьба незнакомца была в ее руках. Эрика не могла так просто оправдать и отпустить узника. Вполне законное подозрение вызывали его попытки спрятаться от стражи и подслушать чужой разговор, как, впрочем, и слишком хорошее для кельта знание датского языка. Но сейчас между их народами заключен мир, так что какое это имеет значение? И к чему ему понадобилось знать время смены караула? Для этого вполне достаточно понаблюдать за усадьбой. Эрика может позволить себе быть великодушной.

– Относительно воровства… пожалуй, стоит поверить сказанному тобой и отыскать женщину, – согласилась она. – Но по какой причине ты оказался здесь и каким образом тебя обнаружили?

Узник покачал головой, и девушка подумала, что тот откажется отвечать, но он медленно, словно во сне, произнес:

– Я искал помощи. Голова болит… меня ударили чем-то… сбросили с коня… когда на моих спутников напали грабители.

Горячее сочувствие мгновенно загорелось в душе Эрики.

– Проверьте, капитан, что у него с головой, – резко распорядилась она, с нетерпением дожидаясь, пока Уолнот выполнит приказ. Если незнакомец говорит правду, это многое объясняет: его странную слабость, растерянность… Да, но что он делает в Восточной Англии?

– Не нахожу никаких повреждений, – заметил Уолнот.

Ярость снова вытеснила беспокойство и тревогу, и Эрика обозлилась на себя за излишнюю доверчивость и поспешность, с которой попыталась оправдать этого человека. Но незнакомец закрыл огромные блестящие серые глаза, и Эрика

услышала глубокий вздох.

– Твой человек лжет, – объявил он. – Только сегодня утром на затылке была огромная шишка. Она не могла исчезнуть так быстро. Пощупай сама, девчонка.

Эрика стиснула зубы. Если он еще хоть раз назовет ее девчонкой, она немедленно уйдет и предоставит его «нежным» заботам Уолнота. А уж самой прикоснуться к нему… нужно же набраться такой наглости, чтобы предложить ей подобное!

– Есть ли ушиб или нет, это все равно не объясняет, по какой причине ты оказался в Восточной Англии, – заметила Эрика и тут же объяснила вполне очевидную истину: – Лучшего шпиона для саксов, чем кельт, и не придумаешь, по крайней мере его меньше всего можно в этом заподозрить! – резонно добавила она.

– Я даже не знаю их языка!

– Или притворяешься, что не знаешь.

– Но я действительно пришел из Уэссекса.

– Вот мы и добрались до правды.

Селиг попытался вновь вглядеться в девушку, но перед глазами все поплыло, когда Уолнот нажал на все еще чувствительную шишку на голове. Почти невыносимая боль пронзила его, но он сцепил зубы, понимая, что должен вытерпеть все, чувствуя, что каким-то образом крайне важно убедить в своей правоте незнакомку с глазами цвета полуденного неба под изящно изогнутыми бровями. Неясно только, почему она так язвительно разговаривает с ним. Или просто считает лгуном?

Он и сам бы на ее месте не поверил. Кто-то привез его на север, но это означает, что со дня нападения прошло много дней… он совсем ничего не помнит… Почему так хочется дотронуться до медово-золотистых волос с прядями оттенка корицы?.. Нет, это томительная пустота в животе виновата в том, что в голову лезет всякая чушь… хотя эта девчонка действительно прелестна, и к тому же

теперь необязательно присматриваться к ней, он и так достаточно ясно представляет ее в воображении. Она немного пониже Кристен и гораздо тоньше, хотя соломинкой ее тоже не назовешь. Налитые груди сами просились в руки… Шпион? Один помоги ему, ну и злую шутку сыграла с ним судьба!

Он, Селиг Благословенный, кому улыбались боги севера и кого одаривал милостями христианский Бог, великий воин, сильный, здоровый, наделенный приятной внешностью, выросший в прекрасной семье, помогавший построить собственными руками свой просторный дом, владелец корабля, удачливый торговец, состоятельный человек, привлекающий сердца всех женщин, на которых достаточно было лишь бросить взгляд… Просто немыслимо, что он очутился здесь, в темнице, совершенно больной и беспомощный. И в довершение всего женщина, да-да, именно женщина, обвиняет его в столь гнусном занятии. Шпион! Подумать только!

И это вместо того чтобы приказать немедленно освободить его, хлопотать вокруг него, ухаживать, лелеять, окружить нежной заботой! А его голова должна была, вне всякого сомнения, покоиться между ее упругих грудей. Нет… нет… не ее…

Селиг снова покачал головой, хотя жгучая боль мгновенно пронзила виски. Он никак не мог до конца осмыслить, почему получилось так, что именно эта женщина – хозяйка – имеет право судить его и обвинять, когда все, чего хотел Селиг, – это соблазнить ее, завлечь в постель, ласкать: она казалась такой хрупкой и очаровательной.

Сквозь горячечный туман до Селига донесся ее голос:

– Если ты шпион, значит, уже успел узнать, что мы живем сытно и спокойно, в крепких, хорошо защищенных домах. И неплохо бы твоему королю Алфреду знать об этом.

Колеблющаяся серая дымка немного рассеялась, но теперь в глазах двоилось, и женщин стало две.

– Вряд ли ему это интересно, – едва выговорил он. – Король обороняет свои владения и не собирается нападать.

– Мой брат просто велел бы убить тебя, но его сейчас нет, а я всегда считаю, что лишнее золото не помешает, – не обращая внимания на его слова, добавила Эрика. – Если у тебя есть хозяин или лорд, который смог бы заплатить за тебя выкуп, я пошлю к нему гонца.

– Я сам могу заплатить за собственное освобождение.

– Тогда я хочу увидеть цвет твоего золота. Или ты считаешь меня настолько глупой, что рассчитываешь уговорить отвезти тебя туда, где оно спрятано?

Селиг не хотел впутывать Кристен в эту дурацкую историю, он надеялся договориться с этой женщиной. Какое странное противоречие – полные, манящие губы и маленький упрямый подбородок… Много ли труда придется затратить, чтобы очаровать ее и уговорить выпустить отсюда?

Селиг улыбнулся девушке той белозубой улыбкой, которая завоевала так много женских сердец.

– Хочешь правду, солнышко? Я на самом деле отправился в Восточную Англию по поручению короля Алфреда. Со мной было еще пятеро, включая епископа, который должен был условиться о брачных договорах между тремя саксонскими девицами, красивыми, благородными и с богатым приданым, и теми викингами высокого происхождения, которых выберет король Гатрум. Но какие-то грабители-саксы напали на нас, когда мы еще не успели покинуть Уэссекс, и, по-видимому, убили всех, кроме меня, а я… по чести, не могу объяснить, как попал сюда. Последнее, что помню, – крики и удар, а очнулся я только сегодня утром, к северу отсюда.

Но девушка, казалось, вовсе не думала успокаиваться. Она негодующе выпрямилась: лазурно-голубые глаза метали искры.

– И я должна верить этому?! Пытаешься убедить меня в том, что ты – норвежский викинг? Викинг, выполняющий просьбу короля саксов?! Клянусь Одином…

– Клянусь Одином, что говорю правду, – перебил он, прежде чем Эрика окончательно впала в бешенство. – Да, я в дружбе с саксами, и виной тому обстоятельства – моя сестра замужем за одним из них, история запутанная,

поскольку сначала она была его рабыней, а мой отец спас ее, и только потом сыграли свадьбу.

Эрика была готова завопить от злости. Узник и до этого плел явный вздор, совершенную чушь, но его последняя сказка… Где это видано, чтобы рабыни выходили замуж за собственных хозяев?! Он, очевидно, считает ее совершенной дурочкой!

Девушка, однако, ничего не высказала по поводу только что услышанного, боясь, что, если заговорит, окончательно потеряет терпение.

– Если не хочешь сказать, кто твой господин, может, лучше послать гонца к твоему королю Алфреду?

– Нет, не стоит, поскольку твоему королю, новообращенному христианину, не очень понравится, если Алфред пожалуется, что один из его посланников несправедливо обвинен и брошен в темницу.

– Несправедливо обвинен? – сухо повторила она. – И это после всей лжи, что ты тут нагородил? Если тебя некому выкупить, так и скажи.

У Селига больше не осталось сил выносить все это. Дурнота вновь подступила к горлу, а ведь на этот раз он даже не пошевелился. Кажется, лихорадка, которой Селиг так боялся, вновь вернулась. Теперь он даже не был уверен, с кем спорит сейчас и кому отвечает, просто знал, что девушка очаровательна, а он еще даже не отведал ее прелестей. С невероятным трудом сосредоточившись, Селиг пробормотал, еле ворочая языком:

– Мы с тобой не враги и никогда не сможем быть врагами. Освободи меня, девчонка. Мне нужно лечь в постель… твою, если захочешь.

Это оскорбление оказалось последней каплей, и Эрика взорвалась. Каким же наглым надо быть, чтобы так дерзко разговаривать с ней перед ее же людьми!

– Да как ты смеешь?! Может, хорошая порка научит тебя вежливости к тому времени, как я снова допрошу тебя, если, конечно, захочу сделать это еще раз, ибо скорее всего просто оставлю тебя гнить здесь до скончания века!

Девушка пошла к двери, но Селиг не заметил тени, скользнувшей следом. Все, что он увидел, – злобную ухмылку на самодовольной физиономии капитана стражи, прежде чем отдался на милость боли, и благословенная тьма вновь окутала его измученный мозг.

Глава 8

Эрика решительно направилась к дому, но, не пройдя и двадцати шагов, остановилась как вкопанная, когда ужас содеянного проник сквозь багровую пелену ярости, окутавшую сознание. Не знай Терджис свою хозяйку так хорошо, наверняка наткнулся бы на нее. Но викинг молча держался поодаль, ожидая, когда хозяйка изменит решение.

Девушка не была жестокой от природы. Если бы оскорбление было нанесено кому-то другому, равному ее положению и происхождению, преступника, скорее всего, засекли бы до смерти. Но сама Эрика всегда была готова подставить другую щеку и посчитала бы, что во всем виновата сама. Терджис иногда жалел, что хозяйка настолько мягкосердечна, но на этот раз с ней что-то стряслось. Сейчас она должна одуматься и простить беднягу.

Викинг оказался прав. Эрика была потрясена собственным поведением. Она совершенно потеряла контроль над собой. И все из-за пленника! Однако беда в том, что Эрика позволила ему довести себя до такого. Правда, до сих пор ни один человек на свете не оскорблял ее так, не обращался с ней подобным образом, как этот кельт! Он действительно заслуживал жесточайшей порки, но Эрика должна была проглотить обиду и отменить приказание, не говоря уже о том, что не следовало отдавать его в руки Уолнота.

Нужно было по крайней мере поручить сделать это кому-нибудь другому. Уолнот получает слишком большое наслаждение, причиняя боль.

Эрика обернулась, чтобы попросить Терджиса выполнить поручение, поскольку не ручалась за себя, если вновь окажется лицом к лицу с кельтом. Она совершенно теряла голову в его присутствии, мысли путались, сердце бешено колотилось, а в ее положении это недопустимо…

В этот момент из дома донесся крик, и девушка мгновенно забыла обо всем.

– Госпожа, скорее! Терстон! Он упал и, боюсь, сломал руку.

Эрика охнула от ужаса. Она нежно заботилась о двухлетнем племяннике с самого рождения и теперь, вне себя от ужаса, побелев и задыхаясь, бросилась в спальню, откуда слышались вопли малыша.

Терстон лежал на постели, и две служанки старались удержать его. Знахарка уже успела прийти и успокаивала мальчика. Но это было первое столкновение Терстона с настоящей болью, и он продолжал пронзительно кричать, держась за неестественно согнутую руку. Эрика была в панике и молила богов, чтобы его страдания перешли к ней, хотя знала, что это невозможно. Самое большее, что она могла сделать, – успокоить его страхи, и девушка поспешно подбежала к племяннику.

– Тише, малыш, – мягко сказала она, сжимая ладонями дорогое личико, точную копию брата. – Сейчас тебе больно, но совсем скоро станешь показывать повязку друзьям и хвастать, каким был храбрым.

– Никакой я не храбрый! – всхлипнул Терстон.

– Но теперь будешь, когда узнаешь, что Элвина вылечит тебя и рука будет крепкой и здоровой, – утешила тетка и, повернувшись к знахарке, спросила: – Правда ведь?

Тон и выражение лица подсказывали старухе утешительный ответ.

– Я положу ее в лубок… – начала Элвина.

– Сначала нужно ее выпрямить! – отрезала Эрика. – Это его правая рука… когда-нибудь он будет держать ею меч! Нужно, чтобы Терстон полностью владел ею, и необходимо добиться этого во что бы то ни стало. Сделай это!

Но знахарка со страхом покачала головой:

– Я… я никогда… у меня не хватит сил…

– Терджис!

Эрика даже не потрудилась проверить, тут ли ее тень. Она всегда была рядом. Викинг зашел с другой стороны и осторожно сжал запястье мальчика.

– Держи его! – велел он Эрике.

Она послушалась и нежно прижала малыша к себе:

– Сейчас будет немного больно, дорогой, а потом сразу станет легче, – шептала она ему на ушко. – Можешь кричать, если так уж невмоготу.

Раздался пронзительный вопль, и маленькое тельце обмякло в ее руках. Мальчик потерял сознание. Эрика осторожно уложила его, вытерла слезы с грязных щечек, не обращая внимания на то, что плачет сама, и радуясь, что малыш хотя бы сейчас ничего не чувствует.

Эрика встретилась глазами с Терджисом, хотела уже поблагодарить его и только тут вспомнила. Узник!

Краска сбежала с лица девушки.

– Скорей! – охнула она, молясь, чтобы не было слишком поздно. – Не дай Уолноту замучить кельта… И может быть, выведаешь, к кому послать за выкупом, чтобы поскорее избавиться от наглеца!

Терджис только этого и ждал. Он выбежал из спальни с такой быстротой, что задрожали стропила, а в воздухе заплясали бесчисленные пылинки. Слуги ошеломленно расступались, пораженные тем, что такой великан может двигаться столь быстро. Но Терджис опасался, что прошло слишком много времени, и, добравшись до темницы, тревожно нахмурился, убедившись, что на беду оказался прав.

Уолнот не слышал его шагов, слишком поглощенный своим садистским занятием. Терджис перехватил его поднятую руку и швырнул капитана через всю комнату, с силой влепив в стену.

– Она не велела тебе убивать его, – прорычал викинг.

Уолнот, прекрасно зная, что нет на земле человека, который не испытывал бы страха и трепета перед Терджисом, когда тот приходит в ярость, испуганно съежился.

– Я только что начал, – запротестовал он, но моментально осекся.

Терджис, однако, поверил ему, зная, что, если дать волю капитану, тот продолжал бы издеваться над узником много часов подряд. Не обращая на него внимания, викинг принялся осматривать пленника и облегченно вздохнул, поняв, что тому не причинили серьезного вреда.

Узника перевернули на цепях лицом к стене, изорванная туника валялась на полу. Более двух дюжин вспухших багровых рубцов покрывали его спину и бока, из многих сочилась кровь. Но Уолнот по крайней мере точно исполнил приказ: Эрика велела выпороть пленника, и Уолнот пустил в ход короткую многохвостую плеть вместо кнута, сдиравшего кожу. Раны, кажется, неглубоки и, если не загноятся, шрамов, скорее всего, не оставят, хотя и причинят нестерпимую боль.

С первого взгляда было ясно, что несчастный потерял сознание. Подобные пустяки, конечно, не остановили бы Уолнота. Но почему такой сильный человек впал в беспамятство после всего лишь нескольких ударов? В этом было что-то странное, ведь Терджис на собственном опыте знал, сколько человек может вынести.

Да, что-то здесь не так. Терджис уже раньше заметил это, видя, что узник то путается в словах, словно пьяный, то вновь будто трезвеет, то теряется и приходит в смущение, то все прекрасно понимает и находит четкий ответ на любые вопросы. И только безумец мог так оскорбить Эрику, ту, в чьих руках была его судьба, разве что мечтал о смерти.

Посчитай Терджис эти выпады намеренными, он сам бы вызвал оскорбителя на поединок. Но он так не думал. Слова пленника казались либо неудачной шуткой, либо комплиментом красивой женщине. Так или иначе, узник совсем не устыдился собственных промахов, не подумал извиниться и, казалось, даже не сознавал, как обидел девушку.

Терджис гадал также, почему такой могучий человек не выдернул крюк, которым крепились к стене цепи. Даже если он выжидал удобного момента, чтобы сбежать, то уж наверняка смог бы скрутить капитана и не дать избить себя. Уолнот оставался наедине с наказанным, и человек, называющий себя Селигом Благословенным, мог легко сбежать. Однако он висел на стене, без чувств, со спиной, перекрещенной рубцами и синяками, так что теперь, очнувшись, не сможет пошевелиться. Терджис внезапно бросил подозрительный взгляд в сторону Уолнота, еще не успевшего опомниться.

– Да был ли он в сознании, когда ты начал это?

– Не заметил, – злобно прошипел Уолнот, ненавидя викинга за несвоевременное вмешательство: теперь он лишился жертвы да еще заработал пинок.

Терджис пробурчал что-то, и, будь здесь Эрика, она определенно разобрала бы в несвязных звуках два слова:

– Ты лжешь!

По правде говоря, викинг сомневался, что узник вообще ощущал удары. Уолнот наверняка и не подумал привести его в чувство, не желая терять ни минуты наслаждения собственной жестокостью, так как прекрасно знал, что госпожа отменит свое решение. Уолнот обычно предпочитал, чтобы несчастные в полной мере испытывали страдания и муки, но на этот раз удовлетворился болью, которая потом еще долго будет терзать узника при малейшем движении.

Терджис довольно легко выдернул крюк из стены, удивившись, почему Селиг не сделал этого.

Он осторожно опустил несчастного на пол, перевернул на живот, а голову положил на полусогнутую руку. Ладони викинга опалил жар. Случайно скользнув пальцами по затылку Селига, он нащупал огромную опухоль. И снова осуждающий взгляд голубых глаз приковал к месту Уолнота, так что капитан стражи невольно съежился.

– Ты солгал ей, – зловеще процедил Терджис. – Его и в самом деле ударили.

– Я ничего не нашел, – пролепетал Уолнот, хотя побледневшая физиономия и растерянный вид обличали лжеца.

– Зато сейчас ты у меня узнаешь…

Терджис осекся, стараясь справиться с охватившим его гневом. С самого детства он привык держать себя в руках и не выказывать никаких чувств, зная, что его необузданная сила может стоить жизни тому, кто имел неосторожность вызвать его ярость. Лишь однажды он дал волю бешенству и едва не прикончил своего брата, который не забыл этого и при первом удобном случае постарался от него избавиться.

– Попробуй подойти к нему – и тебе не жить, – повернувшись к Уолноту, добавил Терджис.

Коротко и ясно. Он вообще не любил тратить слова и сегодня вечером наговорил больше, чем за целый месяц. Кроме того, викинг никак не мог взять в толк, что делать. Болезни и раны были выше его понимания. Но посылать за знахаркой пока нельзя – та занята с Терстоном. Правда, Эрика тоже сведуща в лекарском искусстве, но и она хлопочет возле мальчика, к тому же Терджис пока не собирался ничего ей говорить. Но как поступить с Селигом Благословенным?..

Терджис решил было отнести его в место почище, но подумал, что тот вряд ли заметит, где находится, когда очнется… если вообще очнется. Поэтому, выйдя за дверь, викинг подозвал стражника.

– Найди слугу и прикажи приготовить тюфяк, одеяла, свечи, воду и еду. Много еды. Потом принеси все это сюда и подожди за дверью покоев юного лорда. Как только знахарка появится, приведи ее ко мне.

Стражник, хорошо знавший Терджиса, с которым каждый день обедал за одним столом, удивленно поднял брови, услышав от него так много слов за один раз. Но викинг еще не закончил непривычно длинную речь.

– Леди Эрика не должна ничего знать об этом, особенно что мне нужна знахарка.

Он вернулся в темницу как раз вовремя, чтобы услышать стон узника.

– Даже зубы Тора не могут быть так остры, – прошипел Селиг.

Терджис присел на корточки рядом с ним. Больше пленник не шевельнулся. Он говорил на норвежском, родном языке Терджиса. Как сладко слышать знакомую речь! И каким бы невероятным это ни казалось, Терджис начинал думать, что незнакомец не солгал. Уолнот, эта грязная тварь, обвинил Селига просто потому, что он был здесь чужаком! Нужно было оказать помощь, о которой он просил!

Глаза Селига были закрыты, кулаки стиснуты. Он снова застонал. Терджис поморщился, представив, какие муки должен испытывать бедняга, которого огрели по голове с такой силой, и, сам того не сознавая, впервые за много лет произнес по-норвежски:

– На твоем месте я постарался бы не шевелиться.

В ответ послышался полустон-полусмешок:

– Боюсь, это мне и не удастся. Что со мной? Почему так горит спина?

Неужели он даже не помнит, как Уолнот орудовал плетью? Слава богам… хотя Терджиса терзал стыд, заставивший его невольно поежиться. Он мог помешать этой порке. Эрике не следовало отдавать подобное приказание, да этого и не случилось бы, не выйди она из себя.

Терджис мудро решил не отвечать на этот вопрос.

– Назови имя человека, который может помочь тебе.

Селиг, казалось, ждал вечность, чтобы услышать эти слова. Именно этого он добивался. Помощь. Сестра приедет за ним, как только узнает, что произошло. Наконец-то он встретил соотечественника, норвежца, которому мог доверять.

– Моя сестра, Кристен, вышла замуж за Ройса Уиндхерста, это неподалеку от Уинчестера. Она обязательно…

Но тут Селиг шевельнулся, не подозревая, что притаившаяся боль мгновенно нанесет ответный удар. Он инстинктивно напрягся, отчего стало еще хуже.

Селиг едва удержался от вопля, только с шипением выпустил воздух сквозь стиснутые зубы. Мысли снова начали путаться.

– Потерпи, – произнес Терджис. – Сейчас придет знахарка.

Но Селиг уже ничего не слышал, потому что, корчась в муках, только сейчас понял, что с ним сделали.

– Она… избила меня. Она в самом деле…

Он не договорил. Перед глазами вновь все завертелось, в голове стало пусто, и Селиг никак не мог понять, что его мучит… Только позже, когда в голове послышался смех, перед глазами неожиданно возникла она. Медово-золотистые волосы с прядями цвета пламени, сочные губы, растянутые в насмешливом оскале, обещавшие сладость, которой ему никогда не испить. Она оставалась вне досягаемости, где-то рядом, пока его пытали огнем и льдом, молотом и кнутом, раскаленным клеймом, опалившим еще не зажившие раны, ядом, который вливали в глотку, вызывающим неудержимую рвоту, окончательно лишившую его сил.

Селиг помнил, как громко, пронзительно кричал, хотя не слышал ни звука, кроме ее хохота, становившегося все громче, пока эхо не отдалось в измученном мозгу и стало самой страшной мукой, изводившей Селига стыдом и унижением. Один помоги ему… этот смех… она забавляется, смеется над ним, презирая за слабость. И этого нельзя избежать, как и боли. Золотоволосая ведьма всегда здесь… иногда радуется… иногда сама размахивает кнутом… конечно, ее удары слабы, но гордость Селига… гордость… непоправимо ранена.

Немыслимо, что такая молодая, не старше двадцати лет, женщина может столь жестоко обращаться с узником, просившим помощи! Он так нуждался в ее утешении и вот теперь вынужден нести еще одно тяжкое бремя, а она лишь жаждет мучить его и издеваться над ним. И смех… этот непрекращающийся смех. Даже в смертный час Селиг будет слышать его!

Терджис находился с Селигом Благословенным, пока не явилась знахарка. Оставив ее с больным, он отправился на поиски Эрики. Та по-прежнему сидела у постели Терстона и, скорее всего, собиралась остаться с ним на ночь.

Терджис уже послал человека в Уэссекс, поэтому успел поспать несколько часов, пока была возможность. Встав перед рассветом, он отправился в темницу.

Из глубины послышался смех Элвины, и Терджис приободрился, посчитав, что узнику стало легче.

– Ему лучше? – осведомился викинг.

Элвина даже не пыталась скрыть радость и, весело усмехаясь, объявила:

– Нет, жар усилился. Скорее всего подохнет.

Терджис оцепенел от ужаса:

– Но почему же ты веселишься?

Нисколько не испугавшись его угрюмого вида, знахарка пожала плечами:

– Хорошо, когда кельт так мучается! Вот такой же убил моего бедного мужа!

Но Терджису уже было все равно:

– Если ты по злобе отравила его…

– Нет, викинг, этого просто не может быть. Я обязана помогать ему, чем могу, несмотря на неприязнь. Господь наделил меня даром исцеления, и выбора у меня нет. Но рада заметить, что никакие зелья и мази не вылечат его, а больше ничего нельзя сделать.

Она осмелилась рассмеяться снова неприятным визгливым смехом, резанувшим уши Терджиса.

– Даже слабительное не помогло! Он весь горит, а лихорадка ведет его все дальше в мир кошмаров! Я ухаживала за ним со всем старанием, но ему чудятся страшные пытки. Хотя и не по моей вине, но он терпит страдания осужденных на адские муки, а ты еще удивляешься, почему я так смеюсь. Исцелить его не в

моих силах.

– Убирайся тогда, если ни на что не способна! – прорычал Терджис. – Твое веселье здесь ни к чему!

– Это ты считаешь, но я думаю по-другому. Никогда и не мечтала, что смогу отомстить за мужа, но теперь вижу, что мечты сбылись, и мне для этого не пришлось и руки поднять. Божья справедливость, викинг.

– Дура, ведь он вовсе не кельт!

Старая ведьма презрительно фыркнула:

– У меня есть глаза, викинг. Никем иным он быть не может!

Терджис даже не смог приказать ей убраться. Вместо этого он просто подхватил ее на руки и выкинул за дверь. За спиной стонал Селиг, по-прежнему метавшийся в горячке.

Настало утро, и Эрика, покинув спящего племянника, направилась к себе. Она не спала всю ночь, сидя у постели Терстона, держа маленькую ручку и мучаясь всякий раз, когда тот шевелился и хныкал. Терджис, как мог, составил сломанную кость, Элвина туго забинтовала кисть, оставив лекарства, помогающие избавиться от боли и опухоли, но пройдет еще много недель, прежде чем малыш почувствует облегчение, и еще больше месяцев, пока наконец станет известно, правильно ли срослась рука. И все это время Эрика не будет находить себе места.

Она заверила Элвину, что и раньше видела, как выправляют кости, но на самом деле это было всего однажды, когда брат сломал ногу. Рагнар умолял Эрику позволить Терджису выпрямить кость, прежде чем накладывать лубок. Эрика в жизни не слышала ни о чем подобном, однако молодой человек был в отчаянии, видя, что все планы на будущее поставлены под угрозу и ему суждено на всю жизнь остаться калекой. Один из сводных братьев после такого увечья стал хромать и мучился от болей, а отец, родственники и тем более посторонние люди с тех пор смотрели на него свысока.

Рагнар был готов на все, лишь бы избежать подобной участи. И, если подумать хорошенько, в его предложении не было ничего странного, все прекрасно получилось – кость срослась и Рагнар не остался калекой.

Однако кто может сказать, как будет на этот раз, ведь Терстон еще совсем маленький и сломал не ногу, а руку. Конечно, Эрика разбиралась в целительных свойствах трав и даже могла аккуратно зашить рану, но ничего не знала о том, что происходит там, под кожей. Впрочем, не многим целителям было это известно.

Эрика поймала себя на том, что думает не о Терстоне, а об узнике, заключенном в темницу, его странном обращении с ней и совершенно неожиданных чувствах, которые он в ней вызывал. Она даже не пыталась искать объяснений, их просто не существовало. Она уже привыкла к высокомерию мужчин. Датчане-викинги, как называл их весь мир, были воплощением надменности. В окружении Рагнара было немало красивых молодых людей, которых она знала. Но никто из них не позволил бы себе разговаривать с ней в таком тоне. И все-таки не стоило из-за этого попадать в глупое положение или причинять кому-то боль.

Эрика не удивилась, обнаружив Терджиса, ожидающего ее за дверью спальни Терстона. Она не желала сейчас говорить о кельте, не хотела знать, как жестоко обошелся с ним Уолнот, – слишком тяжело на душе, слишком мучит совесть. Однако девушка все-таки заставила себя спросить:

– Пленник поправится?

Терджис не мог дать хозяйке ответ, которого она так ждала, не солгав при этом. Но он прекрасно понимал, как подействует на нее истина. Узник просил, чтобы она сама ощупала его голову. Разумеется, Эрике вовсе не обязательно было это делать, и тем не менее она не сможет себя за это оправдать. Конечно, выпороли его не так уж жестоко, и только это наказание Селиг смог бы перенести, но не доконают ли его лихорадка и страшный удар?

Элвина, их единственная знахарка, не питает особых надежд, и Терджис не может больше просить ее о помощи, зная, как старая ведьма ненавидит кельтов.

– Обязательно поправится, – заверил он Эрику, прекрасно понимая, что говорит неправду.

Наградой викингу послужила усталая улыбка Эрики. Если норвежец умрет, Терджис втихомолку избавится от тела и скажет хозяйке, что Селиг сбежал, убив Уолнота, пытавшегося задержать его.

Глава 9

Когда прибыл посланец викинга, Кристен как раз была в конюшне и седлала белого скакуна. Гонца привел к ней слуга, и оба мужчины старались держаться подальше, с опаской взирая на буйного жеребца.

Этого коня нашел для нее Ройс, поскольку Кристен смеялась едва ли не до слез при виде смирной кобылки, подаренной им сначала. Ройс был вынужден согласиться, что жена слишком высока для такой маленькой лошадки, подходившей только дамам небольшого роста, и поэтому привел домой белоснежного боевого коня, бывшего тогда еще необученным жеребенком. Кристен сама смогла объездить его и в конце концов получила великолепного, хотя, может быть, чересчур большого, верхового коня.

Сейчас ей было не до посланцев, особенно неизвестных: судя по лицу, он не от Ройса и поэтому не представлял для нее никакого интереса. Кристен решилась последовать за мужем, хотя тот строго-настрого запретил жене делать это, и теперь не желала задерживаться даже на минуту.

Ивар и Торольф уже на конях ожидали ее у ворот. Оба вернулись сегодня утром и, услышав тревожные слухи, достигшие Уиндхерста только вчера, согласились сопровождать Кристен. Она просто не могла сидеть и ждать, пока муж точно узнает, жив ее брат или нет.

Столько времени прошло, прежде чем им передали, что на епископа и его спутников, вероятно, напали грабители, причем совсем рядом, в сутках езды к северо-востоку от Уиндхерста, и, возможно, никого не оставили в живых. Кристен не желала ничему верить. Все это неправда, выдумки, такого просто не может быть! Да, стычка могла произойти… Но подобные слухи редко бывают правдивыми. Конечно, не исключено, что некоторая доля правды во всем этом есть. Вполне возможно, что посланникам пришлось выдержать бой, но они легко

могли справиться даже с многочисленным отрядом и продолжать путь в Восточную Англию.

По настоянию жены Ройс немедленно отправился на поиски, приказав при этом, чтобы жена оставалась дома. По мнению Кристен, с его стороны было весьма неразумно потребовать это от нее лишь потому, что в округе объявились разбойники. Ройс знал, как она относилась к брату. Однажды Селига уже посчитали мертвым, Кристен своими глазами видела, как он пал под мечом кузена Ройса, но тогда все обошлось. И теперь Кристен поверит в смерть брата, только если привезут его тело. Но она не желает дожидаться возвращения мужа, особенно в окружении рыдающих и вопящих женщин, оплакивающих Селига…

– Меньше чем день езды на резвом коне, – сказал Ройс и пообещал, что вернется к утру, даже если придется скакать всю ночь.

Но утро давно прошло, а мужа все не было, солнце поднялось высоко, и Кристен не намерена больше ждать. А тут, как назло, появился этот посланец.

Кристен попыталась не обращать на мужчин внимания и даже, взяв жеребца под уздцы, вывела из стойла, так что могучее животное оказалось между ней и незваными гостями. Но ее слуга проявил настойчивость.

– Он просит разрешения поговорить либо с вами, либо с лордом Ройсом, миледи.

– Ты сказал, что Ройса нет дома? – с досадой спросила Кристен.

– Да.

– И меня тоже нет.

– Это насчет вашего брата, – неожиданно вмешался посланец.

Кристен немедленно обежала коня и очутилась лицом к лицу с незнакомцем:

– Откуда ты приехал?

– Из Гронвуда. Это к югу от Бедфорда.

Названия оказались совершенно незнакомыми, и Кристен, небрежно взмахнув рукой, продолжала допрос:

– Где это?

– В Восточной Англии.

Несколько мгновений ушло на то, чтобы осмыслить его слова, и Кристен облегченно рассмеялась. Она изо всех сил убеждала себя, что Селиг жив, но в глубине души все-таки сомневалась.

– Так, значит, он встретился с королем Гатрумом?

– Об этом мне ничего не известно. Леди Эрика, госпожа Гронвуда, захватила его в плен…

Кристен яростно вцепилась в тунику посланца и одним рывком притянула его к себе. Она была на несколько дюймов выше мужчины и отнюдь не слабее. Во всяком случае, он явно не пытался проверить, так ли это.

– По какой причине его держат в плену? – требовательно осведомилась она.

– Шпионил и пойман на месте преступления.

Кристен разжала руки: гнев уступил место растерянности.

– Шпионил? Какой вздор! Епископ взял его толмачом к королю Гатруму. Но шпионаж?!

– Об этом я не знаю, – признался мужчина. – Меня послал сюда Терджис-десять футов, слуга госпожи, и велел поспешить. Я только выполнил его приказ.

– Им нужен выкуп?

– Терджис не сказал. Но если пожелаете, мне приказано показать вам дорогу.

– Если? – фыркнула Кристен. – Сколько времени уйдет, чтобы добраться до Гронвуда, если ехать день и ночь?

– Мне потребовалось два дня.

– А нам понадобится меньше. Будь готов отправиться в дорогу через час.

– Но мой конь не…

– Выбери другого, – бросила Кристен на ходу и, почти выбежав из конюшни, позвала Ивара и Торольфа.

Она уже успела попросить Эду собрать в дорогу необходимую одежду, когда викинги появились в холле.

– Эти женщины никогда не могут собраться вовремя… – начал было Ивар, но тут же замолчал при виде разъяренной Кристен.

– Тебе лучше помолчать, Ивар, если хочешь сохранить уши в целости, – процедила она, и, поскольку в прошлом действительно не задумывалась задать ему трепку, викинг немедленно отступил, расплывшись в извиняющейся улыбке. В другое время она охотно пошутила бы с приятелем, но сейчас было не до этого.

– Селиг наконец нашелся, и мы едем за ним, но не туда, куда думали. Он в Восточной Англии.

– Где и должен был оказаться, – заметил Торольф.

– Да, как гость короля. Но одна из тамошних женщин, леди Эрика, вместо этого взяла его в плен.

– Зубы Тора, да он просто улыбнулся не той, которой надо, и проклятая ведьма захватила его! – взорвался Ивар.

– Я тоже поначалу так думала, – сухо бросила Кристен, – но ничего подобного, его обвинили в шпионаже, и не спрашивай почему, поскольку посланцу ничего не известно, он просто передал, чтобы я ехала за братом.

– С большим мешком золота, без сомнения, – язвительно прибавил Ивар, по-настоящему обозлившись.

– Об этом не упоминалось, хотя я на всякий случай пороюсь в сундуках Ройса. Но теперь нас троих недостаточно. Ройс и без того взбесится, когда узнает, что я отправилась к его заклятым врагам, но наверняка выдубит мне кожу на спине, если я поеду еще и без охраны. Нужно быть готовым ко всему, даже к бою. Так что пойди и поскорее узнай, сколько людей Селига захотят присоединиться к нам.

– Все, конечно.

Сомневаться в этом не приходилось.

– Тогда передай, что мы поедем налегке, захватим только еды дня на два, останавливаться будем лишь затем, чтобы дать лошадям роздых. Не успокоюсь, пока не отыщу брата! Пойду соберу людей Ройса. Отправляемся через час!

– Обычная тактика викингов – они вечно норовят застать врага врасплох, – одобрительно ухмыльнулся Торольф.

Кристен, хорошо зная друзей брата, покачала головой:

– Мы не ищем драки!

– Тогда остается надеяться, что драка сама нас найдет, – пожал плечами Ивар.

Глава 10

Когда отряд приблизился к Гронвуду, ворота оказались наглухо закрытыми. Но этого следовало ожидать: Кристен сопровождало слишком много вооруженных людей – двадцать пять могучих викингов и двадцать хорошо вооруженных воинов-саксов, – и хозяева пока не знали, друзья перед ними или враги. То же самое было сделано в Уиндхерсте и происходило во всех поместьях, мимо которых они проезжали.

После долгих лет войны было странно наблюдать, как представители двух народов мирно едут бок о бок. Но такое соотношение вселяло надежду владельцам земель в Уэссексе, что на их страну не будет совершено новое нападение, а присутствие большого количества викингов давало понять датчанам, чтобы те не спешили хвататься за оружие.

Они остановились на значительном расстоянии от частокола, и всадники вытянулись в одну длинную линию. Последовал короткий спор, и Торольф, пытавшийся убедить Кристен остаться с мужчинами, довольно быстро потерпел поражение. Она выехала вперед в сопровождении Ивара, Торольфа и посланца из Гронвуда, чтобы объяснить цель своего приезда.

Пришлось подождать, пока позовут кого-нибудь облеченного властью. Кристен, конечно, не думала, что их пригласят во двор. Но и не ожидала увидеть настоящего гиганта, выступившего вперед в сопровождении женщины и четырех солдат. Стражники, казавшиеся совсем маленькими рядом с рыжеволосым великаном, нервно сжимали рукоятки мечей. Ивар и Торольф не обращали на них внимания, но настороженно рассматривали огромного викинга с чудовищным боевым топором на спине. Кристен презрительно хмыкнула, поскольку не выносила манеры мужчин присматриваться друг к другу, особенно в тот момент, когда на стенах, несомненно, стоят несколько десятков стражников с луками и стрелами наготове.

Женщина, которую викинг заслонял могучими плечами, по всей вероятности, и есть та самая леди Эрика, решила Кристен. Она подстегнула коня, выехала вперед, остановившись ярдах в трех от хозяев, и спешилась, желая как можно скорее покончить с переговорами и освободить брата. Такая смелость невольно побудила другую женщину сделать то же самое. Она выступила из-за спины телохранителя, предостерегающе положив маленькую ручку на его огромную лапу.

«Слишком молода, чтобы захватить в плен такого воина, как Селиг», – подумала Кристен, пристально рассматривая Эрику.

«Она похожа на валькирию[4 - В скандинавской мифологии – воинственные девы, решающие по воле бога Одина исход сражений.]», – подумала Эрика, подходя ближе и с благоговейным ужасом озирая невероятно высокую стройную женщину.

Посланец объяснил госпоже, зачем прибыли гости и кто такая Кристен. Богатая вышивка и тонкое синее полотно верхнего платья Эрики говорили о ее высоком положении, как, впрочем, и усаженный драгоценными камнями пояс, и шелковые ленты, вплетенные в толстые косы. Она была без оружия, если не считать кинжала, которым умело управлялась за столом. Девушка казалась совершенно спокойной. Кристен настолько удивилась ее молодости, что не смогла удержаться от вопроса:

– Ты здесь единственная госпожа?

– Да, в отсутствие моего брата, – кивнула Эрика. – Вижу, вы приготовились к битве, – оглядев вооруженную до зубов армию, заметила она.

Обвинение было брошено, хотя и мягким тоном. Эрика, несомненно, была права. Кристен даже пожертвовала нижним платьем с длинными рукавами и узкой юбкой, стесняющим движения, и предпочла путешествовать в верхнем, безрукавном, довольно коротком и с разрезами по бокам. В нем не было так жарко, а погода стояла теплая, особенно в здешних местах.

Правда, она успела натянуть плотно облегающие, подвязанные крест-накрест штаны, одолженные у одного из мужчин, и собственные, опушенные мехом сапоги. Золотистые волосы были заплетены в одну длинную, доходившую до пояса косу, и Кристен издали легко было принять за мужчину, особенно из-за меча, прикрепленного к седлу, который можно было мгновенно выхватить. У бедра висел кинжал с великолепной рукояткой из слоновой кости в виде огнедышащего дракона. На длинном клинке были выгравированы руны[5 - Руны – буквы, используемые викингами для магических заклинаний и письма.] – благословение Одина. Это оружие – подарок отца – было самое драгоценное, чем владела Кристен.

Гаррик подарил кинжал дочери, услышав от Ройса, как Кристен ранила его кузена, Олдена, сразу же после того, как тот сразил Селига. Кристен и ее мать тогда съежились от ужаса, ожидая неминуемого взрыва, – Гаррик и не подумал бы дать разрешение дочери учиться владеть оружием и не знал, что Бренна уже давно всему научила Кристен втайне от мужа. Гаррик всегда считал своим неотъемлемым правом защищать единственную дочь. Но Бренна была уверена, что прежде всего такое право принадлежит самой Кристен, а отец может только помочь ей в этом.

И он не рассердился, а вместо этого вручил ей собственный кинжал, и Кристен почувствовала, как гордится отец ее умением и храбростью. С тех пор она еще больше ценила его подарок.

– Я приехала за братом и готова освободить его любой ценой, – объявила Кристен. В зловещем значении ее слов ошибиться было трудно – Валькирия явно предостерегала. – Он у тебя в плену, и я хочу, чтобы ты немедленно освободила его.

– Если ты действительно живешь в Уэссексе, как он утверждал, то как тебе так быстро удалось явиться сюда?

Недоверие в голосе девушки было слишком очевидным, и Кристен мгновенно вышла из себя:

– Ты была дурой, не поверив ему. Мой брат не шпион. Он ехал по делу, выгодному для вашего короля.

– Он говорил и это, но слишком много доказательств было против него. Однако можешь забрать его.

– И даже без выкупа? – процедила Кристен.

Эрика пожала плечами:

– Ты подтвердила его рассказ, поэтому я не потребую золота.

Обернувшись, она окликнула одного из стражников:

– Уолнот, вели…

– Я сам приведу его, – перебил великан.

Эрика удивилась столь неожиданному предложению и немного огорчилась: как это он решился оставить ее наедине с этой ордой у ворот? Впрочем, только сестра кельта и два норвежца стоят рядом, вся же армия расположилась на некотором отдалении, а с Эрикой все же еще четверо… Кельт? Нет, конечно, он не может быть кельтом, по крайней мере в его жилах течет северная кровь, ведь эта женщина – настоящая норвежка! Но может, он не ее родственник? А если это очередная ложь и узник просил послать за чьей-нибудь сестрой, чтобы вернуть себе свободу?

Охваченная внезапным подозрением, Эрика встрепенулась:

– Может, мне следует сначала проверить, действительно ли это твой брат, а не просто какой-то чужак, утверждающий, что ты его сестра?

– Селиг – самый красивый мужчина из всех, которых тебе когда-либо представится возможность встретить, – сообщила Кристен и, заметив, как вспыхнула девушка, добавила: – Значит, это действительно он.

– Но он не похож на викинга, – начала Эрика. – Скорее на…

– Наша мать была из валлийских кельтов, – рассеянно пояснила Кристен, не сводя глаз с открытых ворот, откуда вот-вот должны были появиться Терджис-десять футов и Селиг.

– Он как две капли воды похож на нее, если не считать роста, который мы оба унаследовали от отца.

– Понимаю, – пробормотала Эрика, хотя не имела ни малейшего желания ни понимать, ни вникать. Она не ожидала, что за пленником явится целое войско, и теперь хотела лишь одного – чтобы они исчезли как можно скорее. Ей было не по себе рядом с этой женщиной, настолько высокой и сильной, что Эрика рядом с ней казалась жалкой букашкой, хотя и была не намного ниже.

Однако Эрика ничем не выказывала ни страха, ни испуга. Да и чего ей бояться? Она у себя дома, а за спиной – вооруженная стража. Конечно, у нее не так много людей, поскольку почти всех увел Рагнар, но ни норвежские викинги, ни саксы не знали этого и, как только получат узника, несомненно, не станут задерживаться.

Терджис переступил порог темницы и попытался привести узника в чувство.

– Лихорадка ушла, а твоя сестра ожидает у ворот. Сможешь идти сам или я понесу тебя к ней?

Селиг прищурился, узнав одно из лиц, так часто являвшихся к нему из кошмаров:

– Снова ты? У тебя не хватит сил меня нести, – убежденно заявил он, в полной уверенности, что на земле не найдется такого силача. – Но ты можешь мне помочь.

Его поставили на ноги слишком резким рывком. Терджис едва успел подхватить Селига, прежде чем тот снова рухнул наземь.

– Дай мне немного времени, – попросил узник, проклиная все возраставшую слабость.

– Нет у меня времени, – проворчал Терджис. – И так пришлось оставить госпожу наедине с твоими людьми, а мне это не по душе.

Упоминание о госпоже воскресило худший из кошмаров, через которые пришлось пройти Селигу, а вместе с ним и уже знакомую беспомощную ярость.

– Они не причинят ей зла, – процедил он.

Не осмелятся. Это право он оставлял за собой.

Кристен нетерпеливо мерила шагами утоптанную землю. Она очень устала, хотя не признавалась в этом даже себе, поскольку почти не спала с тех пор, как слухи о смерти Селига дошли до нее, и всю ночь напролет провела в седле. Ее

люди не так измучились, хотя тоже были не в лучшей форме. Но могла ли она поступить иначе, если на карту поставлена свобода Селига?

Эрика не двигалась с места, сложив руки на груди, словно воплощение самой сдержанности, хотя уже начинала тревожиться. Что могло так задержать Терджиса? Неужели проклятый узник не хочет покидать темницу? Может, боится, что его обман разоблачат? На свете много красивых мужчин и без него! Так что описание норвежки может подойти любому другому человеку, не говоря уже о том, что не объясняет, почему узник так похож на кельта…

Ни Эрика, ни Кристен не ожидали увидеть длинную телегу, медленно тянувшуюся через ворота и разделившую четырех стражников Эрики. Кристен тоже пришлось отодвинуться, когда эта огромная телега едва не раздавила ее, так что конь с мечом, притороченным к седлу, оказался по другую сторону. Но она даже не заметила этого, охваченная ужасным подозрением при виде гиганта-викинга, правившего волами. Где же брат?!

Подошедшая сзади Эрика тоже нахмурилась и резко спросила:

– Что это значит, Терджис?

Но Кристен не стала дожидаться ответа. Телега остановилась, и норвежка тут же прыгнула в нее, трясущимися руками откидывая мохнатую грязную шкуру, закрывавшую то, что лежало на дне, и отчаянно боясь обнаружить мертвое тело брата. Но зрелище, представшее ее взору, было почти так же ужасно. Она с трудом узнала Селига в этом живом скелете. Пальцы, которые стиснула Кристен, так и остались вяло лежать в ее ладони. Лицо заросло щетиной, а ведь у Селига никогда не было бороды. Спутанные, свалявшиеся, сальные волосы, бледная, отвисшая складками кожа, запавшие мутные, широко открытые глаза… Кристен прочла в них облегчение и боль… но почему-то и гнев.

– Схвати ее… ради меня, – проговорил Селиг так тихо, что Кристен пришлось нагнуться, чтобы разобрать слова.

– Датчанку?

Брат еле заметно кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тор – в скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия. – Здесь и далее примеч. ред.

2

Толмач – переводчик.

3

Один – в скандинавской мифологии верховный бог.

4

В скандинавской мифологии – воинственные девы, решающие по воле бога Одина исход сражений.

5

Руны – буквы, используемые викингами для магических заклинаний и письма.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/podari-mne-lyubov-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить